

Ксения Власова

Попаданка на факультете пророчеств

ИДДК

Ксения Власова Попаданка на факультете пророчеств

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63611377
Попаданка на факультете пророчеств: ИДДК; 2019*

Аннотация

«Попаданка на факультете пророчеств» – фантастический роман Ксении Власовой, жанр приключенческое фэнтези, юмористическое фэнтези, попаданцы. Никогда – слышите? – никогда не соглашайтесь на сомнительную сделку во сне. Особенно, если ее предлагает зеркало. Я согласилась помочь, сама не зная, в чем будет заключаться эта помощь. Я неосторожно поменялась душами со своим двойником из магического мира и теперь изображаю преподавателя ясновидения на факультете пророчеств! Словом, в магическом мире не так уж плохо. Здесь есть красавец-преподаватель некромантии и «золотой» мальчик-студент с факультета боевой магии. Эти двое не дают мне заскучать! И все бы ничего, если бы... Если бы я не знала, что совсем скоро мне предстоит умереть. Впрочем, умирать я вовсе не собираюсь...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	56
Глава 5	79
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Ксения Власова
Попаданка на
факултетете пророчеств

© Власова Ксения

© ИДДК

Пролог

Шепот за спиной раздражал.

– Что она делает?

– Не уверен, но... Видимо, предсказывает.

– Это понятно, но зачем, прости Единый, она так сильно машет руками?

Я перестала делать сложные пассы, подсмотренные в «Битве экстрасенсов», и торжественно водрузила ладони на стеклянный шар. Тот был огромный, мутный, с застывшими на стекле жирными следами чьих-то пальцев. Оловянная подставка под ним, привинченная к столу, выглядела подозрительно хлипко.

– Мисс Бартон на днях вернулась из Лексеваля, где слушала лекцию профессора Трездора о новых методиках ясновидения, – в голосе говорящего сквозило скрытое неодобрение. – Вы же знаете этих лексевальцев, им лишь бы что-нибудь новое придумать!

– Прогресс! – понимающе выплюнул его собеседник с непередаваемой смесью уважения и раздражения.

Голоса за спиной смолкли, и в просторной квадратной комнате с высокими окнами-бойницами воцарилась атмосфера напряженного ожидания. Моя спина вспотела, и белая рубашка намертво прилипла к коже. Корсет впился в ребра. Я сделала несколько вдохов ртом, тайком вытерев мокрые

ладони о длинную, многослойную юбку из тяжелого черного бархата. Склонившись над столом с шаром, я стояла напротив окна, и на свету бархат красиво играл фиолетовыми переливами. Наверное, эти блики сочетались с маленькой лавандовой шляпкой, которую я в спешке нацепила на макушку. Неубранные волосы свободной рыжей гривой лежали на плечах. Спиной я чувствовала неодобрение женщин и завуалированный интерес мужчин. Я знала, что оконфузилась, но понятия не имела, как забирать волосы наверх при помощи доисторических металлических шпилек.

– Мисс Бартон, так что скажете?

За спиной кашлянули, затем еще раз, уже настойчивее. Я нехотя обернулась и строго воззрилась на человека, посмевшего прервать мой спектакль, но тут же сникла под неодобрительным взглядом ректора. Тот пригладил седовласую макушку, снова многозначительно взглянул на меня и, словно ненароком, достал из нагрудного кармана темно-синего камзола золотые часы на цепочке. Круглая крышка часов звякнула открываясь, и этот звук заставил меня очнуться. Что ж, пора выкручиваться.

Я зажмурила глаза, затем распахнула их и замогильным голосом, скопированным из той же передачи про экстрасенсов, а может быть, из ужасика с девочкой, выходящего из телевизора, выдала:

– Небеса сегодня прольют изрядно слез. Будет дождь.

Я исподлобья посмотрела на застывших в изумлении зри-

телей, очевидно, ожидающих более яркой концовки. Кульминацию я безбожно слила, признаю. Ректор вместе со всеми посмотрел сначала на меня, затем в окно. Там, за стеклом, защищенным широкой решеткой, завывал злой осенний ветер. По хмурому небу гуляли свинцовые тучи. В щели между камнем и стеклом задувал холодный воздух. Я стояла близко к окну, поэтому мой нос улавливал запах разряженного озона – запах скорого дождя.

«Лия – Капитан Очевидность. Нет, цветов не нужно, спасибо. Обойдемся овациями».

– Благодарю, мисс Бартон, за предсказание, – невозмутимо сказал ректор и обернулся к остальным преподавателям. – Что ж, думаю, всем пора приступить к своим обязанностям. Занятия начнутся с минуты на минуту.

«Силен старикан», – с уважением подумала я. Даже в лице не изменился!

Выдав из себя смущенную улыбку, я поправила шляпку и вместе со всеми покинула просторную профессорскую. В узком коридоре, выложенном камнем, гуляли сквозняки. В одной рубашке стало зябко, но я, не обращая на это внимания, прислонилась спиной к холодному неоднородному камню и устало выдохнула.

Итак, девять утра, с минуты на минуту начнется пара, где я должна рассказать студентам об основах прорицания. Все бы ничего, но меня волнует один вопрос: как, черт возьми, вернуться домой?

Ну, Лия, ну ты попала! Помогла человеку, называется!

– Мисс Бартон, вам плохо?

Очень.

– Нет, благодарю. Голова немного закружилась.

Почти не солгала. У любого закружится голова, если в ней всплывет отрывок чужого воспоминания.

Как наяву, я увидела пышный бал-маскарад, наполненный музыкой, танцами и звоном бокалов. На натертом до блеска паркете кружатся многочисленные пары. По залу с высоким потолком и огромными окнами, весело переговариваясь, расхаживают дамы и господа в масках, в уголке сидят пожилые матроны и что-то увлеченно обсуждают. В разодетой толпе проносится крик. Он обрывается звоном разбитого стекла и ледящей душу тишиной. Невысокая девушка в изумрудном платье корчится на полу от нестерпимой боли. Ее губы, накрашенные помадой, быстро синеют. Тонкие руки в перчатках по локоть вздрагивают, а затем нога в бальной туфле дергается, и девушка с рыжими волосами, забранными в высокую прическу, замирает навсегда.

Этой девушкой в чужом видении была я.

Теперь я знала, почему хозяйка этого тела решила поменяться со мной местами. Она бежала от судьбы. От той, что увидела сама, своими глазами, в магическом шаре. Если моя копия из этого мира столь же талантлива, сколько хитра, то жить мне осталось совсем недолго.

Глава 1

А начиналось все буднично. В том плане, что день снова не задался: я опоздала на работу, получила нагоняй от начальства и все оставшееся время с ненавистью корпела над годовым финансовым отчетом, тоскливо размышляя, что я здесь делаю и прилично ли будет уволиться, так и не получив первую зарплату.

От пафосного шага с бросанием на стол шефу заявления по собственному желанию останавливали лишь осуждающие слова мамы, которые стояли у меня в ушах: «Лия, ну ведь ты уже два года как окончила институт и до сих пор не можешь определиться, чем хочешь заниматься по жизни! Сколько работ ты сменила за последние полгода? Десять? И ради бога, зачем ты работала официанткой, если у тебя красный диплом экономического факультета?!»

Ну и мамино коронное: «Когда ты повзрослеешь?»

Что подразумевает мама под этими словами, я понимала смутно. С восемнадцати лет я работала и обеспечивала себя сама, а последние три года еще и жила отдельно. Словом, совсем уж инфантильной меня нельзя было назвать. А работа... Мне просто хотелось найти себя.

Но я все никак не находилась.

В метро я отгородилась от толпы наушниками. Музыка позволила не замечать если не запах подземки, то хотя бы

удушающую атмосферу вечной спешки и давки. Повиснув на поручне, я слепо смотрела в окно поезда. За стеклом понеслась темнота.

«Перемен требуют наши сердца!» – кричал Цой в наушниках.

Яркая вспышка света заставила сощуриться. Я снова взглянула в окно и вздрогнула. В мутном стекле мне улыбалось собственное отражение. Все бы ничего, но только в реальности на моих губах не было ни намека на улыбку.

По спине побежали мурашки. Рука дернулась ощупать собственное лицо, но вместо этого я моргнула и снова увидела станцию метро, залитую светом, и свое неясное, хмурое отражение в капюшоне черной (немаркой и практичной) куртки.

Все-таки надо увольняться – поняла я и флегматично решила зайти по дороге домой за коньяком.

Съемная комната встретила меня темнотой и орущим котом Васькой – моим признанием своей несостоятельности в сердечных делах.

Уже перед сном я привычно помечтала о красавце-соседе с верхнего этажа. Промотав мечты о свадьбе и отпуске на Багамах, я счастливо уснула на крестинах нашего первенца, над именем которого все еще стоило подумать получше.

Мне приснился странный сон. Я, словно Алиса из страны чудес, оказалась в длинном коридоре, только вместо дверей в нем сияли зеркала. Светильники, подвешенные к самому

потолку, давали мало света и лишь слегка рассеивали темноту, придавая ей мистический флер.

Я обернулась. По обе стороны от меня протянулись темные зеркала. Овальные, круглые, квадратные, большие и маленькие. Некоторые из них оказались завешены тканью. Я медленно шла по красной ковровой дорожке, в полумраке казавшейся шелковой кровавой рекой, и клялась больше не смотреть триллеров перед сном. Я ждала клоуна, который выскочит из-за угла, но собственная фантазия меня удивила.

– Помоги! Пожалуйста, помоги!

Я облизнула сухие губы и обреченно обернулась на женский зов. К счастью, никто тут же не вонзил мне нож в живот. Чувствуя себя глупой блондинкой из фильмов ужасов, которая зачем-то спускается в страшный подвал, я сделала шаг к зеркалу, подернувавшемуся разводами. По нему шли круги, будто кто-то бросил камень в спокойную гладь воды.

– Кто здесь? – глупо спросила я, изрядно труся.

Что уж говорить, сон мне катастрофически не нравился!

– Спаси! Пожалуйста!

Я не теряла надежды на диалог.

– Чего ты хочешь?

– Спасти! Пожалуйста!

Я помолчала, поежилась, рассматривая тени на голых стенах, и мудро, как мне показалось, изрекла:

– Так спасайся.

– Ты согласна?

Мне бы насторожиться. Таинственная незнакомка из зеркала, лица которой я по-прежнему не видела, явно воспрянула духом. Из голоса ушли все тоскливые нотки, и в столах больше не слышалось «все тлен, товарищи».

– Чтобы ты спаслась? – уточнила я, раздумывая над тем, когда уже закончится этот кошмар. Впервые во сне я четко понимала, что сплю. – Конечно. Почему нет?

– Скажи это еще раз!

Из нервно подрагивающей глади зеркала высунулась тонкая женская рука и ухватила меня за ворот кожаной куртки.

– Эй! – закричала я в панике. – Ты что творишь?!

– Скажи, что согласна помочь.

– Да согласна я, согласна! – завопила я, отбиваясь уже всерьез. – Отпусти!

Пальцы разжались, и я кубарем улетела к противоположной стене, чудом не задев другого зеркала.

– И что теперь? – растерянно спросила я, потирая ушибленное плечо.

– А теперь – спи, – торжественно разрешил голос, показавшийся смутно знакомым.

– Подожди, а разве...

На тело внезапно накатила слабость, в голове зашумело, как при резком спуске с большой высоты, и на меня снизошла темнота.

Больше снов не было, а утром...

Утром я проснулась в своем теле, но абсолютно точно не

в своей постели и даже не в своем мире.

* * *

Я заложила руки за голову и сладко потянулась. Обрывки странного сна снова всплыли в памяти, и постель вдруг показалась подозрительно мягкой. Я медленно приподнялась – перина подо мной немного прогнулась – и спустила босые ноги, путавшиеся в длинной белоснежной сорочке, на пол.

Прищурившись, я с громко ухающим сердцем, упавшим куда-то в пятки, огляделась. Место, где я очутилась, меньше всего напоминало мое съемное, довольно скромное жилье. Нижняя часть стен просторной комнаты была закрыта лакированными, натертыми до блеска панелями из светлого дерева, а верхняя – притягивала взгляд девичьими обоями в мелкий цветочек. С высокого потолка свисала огромная темно-зеленая люстра с ажурной вязью рожков. Вот только на месте лампочек виднелись... огарки свеч.

Я сглотнула и осторожно встала с разобранной постели с россыпью мелких вышитых подушек в изголовье. Стараясь унять внутреннюю дрожь, я обхватила себя руками и снова прошла растерянным взглядом по комнате.

В большое овальное окно, застекленное словно наспех, стучал ветер. Один из его порывов прилепил к стеклу пожелтевший лист, и тот так и остался там, подрагивая тонким черешком.

Напротив меня стоял громоздкий письменный стол с разбросанными на нем бумагами, книгами и даже какими-то чертежами. Я вытянула шею, почему-то опасаясь подходить ближе, и вздрогнула, рассмотрев чернильницу и перо рядом. За спиной оказался небольшой камин с ажурной решеткой и набором непонятных инструментов рядом. Немного левее – резной платяной шкаф, а чуть дальше – огромное зеркало-трюмо. В нем я отражалась в полный рост.

Поколебавшись, я облизнула губы и шагнула к нему. В голове сразу же вспышками фейерверка пронеслись картинки из сна, ноги подогнулись, но я все же шагнула в сторону зеркала и застыла, рассматривая себя с расстояния вытянутой руки. Отражение было моим и в то же время чужим. Мои тонкие волосы цвета морковки, обрезанные для удобства в каре, превратились в густую и волнистую гриву того насыщенного оттенка рыжего, что кажется благородным и изысканным. С лица, которое я в волнении обхватила ладонями, исчезли веснушки, а цвет кожи стал бледнее, аристократичнее. Даже невзрачные серые глаза вдруг засияли ярче, наводя на ассоциации с графитом. Я закусила губу и осторожно приподняла просторную сорочку, больше напоминающую безразмерный балахон. Наверное, из такого выпрыгивал Карлсон, пугая жуликов на крыше. Ведь он же выпрыгивал, верно? Хотя, кажется, он обматывался простыней...

Мысли, одна другой абсурднее, забились в голове, как птицы в клетке. Мозг замолчал окончательно и потребовал

перезагрузки.

Я в панике рассматривала ноги, лишенные признаков вчерашнего педикюра. Аккуратно подстриженные ногти без малейшего намека на лак почему-то окончательно заставили меня поверить в происходящее. Рубашка полетела на пол. Мне нужно было понять масштаб произошедших изменений.

Я оказалась права: тело было мое, но какое-то измененное. Например, талия была явно уже, а грудь – чуть выше. Руки немного тоньше, линия ног – изящнее. Я словно оказалась в теле своей сестры, той, что в семье, может, не самая умная, но уж точно красивая.

Мой рот невольно приоткрылся, и из него вырвалась нервная икота. Делая частые вздохи и задерживая дыхание, я нашарила глазами графин с водой на столе и подошла к нему. Взгляд упал на раскрытую книгу с непонятной вязью символов, и те вдруг, на мгновение растекшись чернилами по листу, собрались во вполне читаемую надпись. Икота отступила, зато ноги перестали держать.

Я упала на холодный паркет и сжала пальцами висками. Одно за другим, как волны во время прибоя, накатывали воспоминания. Они принадлежали не мне, но не воспринимались холодными картинками. В них плескались чувства: сильные, яркие, добрые, негативные, пугающие – разные. Каждый оттенок малейшей эмоции, сопровождающий воспоминание, пронзал как током и проносился по телу, словно

сливаясь с ним воедино.

Я одновременно и увидела себя со стороны, и была внутри девушки, удивительно похожей на меня. Ее рыжие волосы, затейливым образом поднятые наверх, спускались красивой волной на одно плечо. Талия, затянутая корсетом поверх темно-синей рубашки, казалась особенно узкой. В ворота чуть распахнутой рубашки виднелись тонкие ключицы. Длинная, многослойная и разноуровневая юбка оплетала ноги и обрывалась у щиколоток ворохом белого кружева.

Девушка хмурилась, и я вместе с ней. Ее взгляд быстро скользил по строчкам книги, которую я мгновение назад увидела раскрытой на столе. Перед моими глазами забегали слова, хотя я стояла далеко и прочитывать текст не могла.

«Ясновидение – основное направление магических искусств. Женщинам оно, в силу их природы, дается легче. История показывает, что наиболее сильными предсказательницами были именно женщины. Возьмем, к примеру, Лауру де Керд, сожженную на костре до заключения мира между людьми и магами...»

Вдруг налетел порыв ледяного ветра и вся комната, вся картинка, съежилась, будто лист в огне, и опаленная исчезла в темноте. Тут же передо мной возникло новое видение-воспоминание.

Девушка уверенно ходила взад-вперед по возвышению внизу аудитории. Сверху, на деревянных скамьях, сидели студенты и быстро конспектировали ее слова. Мой рот от-

крывался в такт ее речи. Я снова была и внутри нее, и снаружи как зритель. Странное чувство раздвоенности меня не покидало.

– Мисс Бартон, позвольте вопрос?

Она (и я) недовольно посмотрели на светловолосого молодого парня с ухмылкой объевшегося сметаны кота. В его ленивой, расслабленной позе сквозил вызов.

Снова порыв ветра. Меня закружил ураган, в глазах потемнело, а когда все прошло, я оказалась посреди огромного зала. Рыжая девушка с красивым кавалером кружилась на скользком паркете в быстром танце. Ее глаза оттеняло совершенно изумительное платье цвета штормового моря.

Мужской крик заставил многочисленных гостей замереть. Музыка смолкла. На полу, в двух шагах от меня, мучительная судорога сотрясала тело грузного пожилого мужчины.

В ушах зазвучал треск огня, и картинка вновь оплавилась, почернела и съежилась.

Я снова видела знакомую девушку. Она, нервно теребя у виска рыжий локон, бормотала что-то несвязное и всматривалась в небольшой стеклянный шар, зажатый в ладони. Его поверхность оставалась для меня мутной. Ни одна картинка не пронеслась перед глазами, но, кажется, так было лишь для меня.

Из рук девушки выпал шар и, глухо упав на толстый ворс ковра, покотился к закрытой двери.

– Нет! Не может быть! Нет!

Порыв ураганного ветра заставил поежиться. Воспоминание перелистнулось, как страница в книге. Я даже расслышала шорох страниц.

Рыжая незнакомка, к которой я уже прикипела душой, с неубранными, рассыпанными по плечам волосами и огромными синяками под глазами, копошилась у стола. Книги летели на пол одна за другой.

– Дери его прогресс! Должен же быть выход!

Я с сочувствием наблюдала за ее метаниями и чувствовала в душе ту же бурю эмоций: злость, страх, отчаяние и... почти звериное желание выжить.

Неожиданно в комнате воцарилась тишина. В одной из книг явно нашлось что-то интересное.

– Вот и все, – удовлетворенно произнесла девушка и устало откинулась на стуле с высокой резной спинкой.

Напечатанный мелким шрифтом текст, который она изучала с легкой улыбкой, пронесся передо мной так быстро, что я скорее услышала его, чем прочитала.

«У мира множество отражений. В каждом из них есть двойник любого из нас. Только с ним возможен обмен душами. Для заключения сделки необходимо обоюдное согласие. Равновесие при этом не нарушается, что позволяет сохранить перемещение в тайне».

– Мне просто нужно найти того... кто согласится, – тихо сказала она.

С ее губ не сорвалось «глупца», но это подразумевалось.

Видение смыло, словно рисунки на песке набежавшей волной. Я, дрожа, осталась сидеть на полу комнаты.

Что ж, глупец нашелся. Им оказалась я.

* * *

Сгорбившись, я сидела на старом, холодном паркете и, поджав под себя ноги, старалась не разреветься. Страх и обида вцепились в сердце. Меня разрывало от двух желаний: забиться от ужаса под кровать и заорать, гневно обращаясь к равнодушно внимающим небесам: «Неужели вы не видели, что меня обманули?! Как могли одобрить такую сомнительную сделку?!»

Впрочем, ехидный внутренний голос напомнил, что во всех документах нужно тщательно читать мелкий шрифт, а прежде чем ляпнуть, что согласна, лучше бы переспросить и уточнить, на что именно, собственно говоря, подписываешься. Слово – не воробей, как гласит пословица. Наверное, именно поэтому все мужчины в ЗАГСе выдерживают такую волнующую паузу, прежде чем ответить «да». Об этом мне моя тетя рассказывала, она как раз браки регистрирует.

Я потрясла головой. Господи, о чем только думаю? Наверное, так сказывается стресс. Мозг блокирует неприятные мысли, отвлекая от них внимание. Я поморщилась и осторожно дотронулась до гудящих висков. Воспоминания Амелии (а теперь я знала имя своего двойника, забавным обра-

зом перекликающееся с моим) улеглись, но представляли собой обрывки каких-то сведений и намеков. Какие-то картинки я видела четко и ярко, другие – будто через призму тумана. Одна из них вдруг всплыла в памяти, даже скорее выпрыгнула, словно кит из океана.

«Несмотря на то что обмен душами между двойниками не влечет за собой последствий для мирового равновесия, это действие относится к запрещенной магии. Оба участника процесса будут привлечены к ответственности и наказаны по всей строгости закона».

Расщедрившаяся чужая память даже милостиво упомянула, откуда взяла этот отрывок: первый пункт двадцатого параграфа кодекса магов, принятого сразу после заключения мира между волшебниками и людьми.

Комната закружилась перед глазами, и я бы непременно упала без чувств, но падать мне было уже некуда. Я и так сидела на полу. Обхватив колени руками, я притянула их к груди и запретила себе плакать. Реветь буду позже. Улягусь в кровать, спрячу лицо в подушку и буду захлебываться в слезах, проклиная своего хитроумного двойника. Господи, я же теперь никогда не увижу маму...

Я стиснула зубы и с усилием отогнала все эти пугающие размышления в самый дальний уголок своей души. Потом. Сейчас у меня одна цель: выдать себя за Амелию, чтобы никто не догадался о подмене. Память снова услужливо напомнила, что в качестве наказания за использование запрещен-

ных заклинаний преступника ждала темница и казнь. Если повезет, то жизнь в роли лабораторной крысы. Все же двойник из другого мира – такой материал для исследования!

Леденящий холод пробрался мне под кожу. Я снова трясула головой. Что ж, оказаться подопытным зверьком, так же как и бесправным узником, в мои планы не входит. Я непременно найду способ вернуться домой. Ведь если есть вход, значит, должен быть и выход! Здесь полно магии, наверняка есть какие-то магические двери или порталы в мой мир. Вот их поиском я и займусь. А как попаду домой, найду Амелию... и хорошенько объясню, как же сильно она была права, повесив на меня роль несчастной жертвы. Не на ту напала!

Я сделала несколько глубоких вдохов-выдохов, стерла со щек мокрую дорожку (все-таки я плакала, даже не заметив этого) и на покачивающихся ногах встала. Чужая память подсказывала, что сегодня понедельник, третий день месяца, который здесь звали Шутником – последний месяц осени. Совсем скоро у меня начнется первая пара у четвертого курса боевых магов, но до этого... До этого я должна сделать небольшое предсказание для коллег-преподавателей – давняя традиция, ненавистная Амелии.

Меня же эта традиция вгоняла в панику. Казалось, даже волосы на макушке встали дыбом. Никакого дара ясновидения я в себе не ощущала, и как выдать из себя хоть сколько-нибудь достоверное предсказание, не имела ни малейше-

го понятия.

Вспомнив знаменитые слова Скарлетт О’Хары, я решила подумать об этом позже. Буду решать проблемы по мере их поступления. Итак, первая из них – одеться во все эти кринолины так, словно я ношу их с детства...

Как оказалось, справиться с гардеробом было несложно, а вот с прической возникли трудности.

Глава 2

Холодная стена из плохо обтесанного камня, к которой я прижималась спиной в коридоре возле профессорской, заставила меня подмерзнуть. Я пожалела, что не взяла с собой накидку, вместе с пальто оставленную в гардеробе на первом этаже. Еще раз взглянув в сторону удаляющихся преподавателей, обсуждающих мое триумфальное предсказание о скором дожде, я тяжело вздохнула и неохотно поплелась следом. Память все еще подводила, поэтому аудиторию я нашла не сразу. Возможно, дело было даже не в памяти, а в том, что я чувствовала себя потерянной и с трудом могла сосредоточиться на самых простых вещах. Воспоминание о собственной напророченной смерти меня напугало так сильно, что я не удивлюсь, увидев в зеркале несколько седых волос на макушке. Да даже если и целую прядь! Нет, путь домой нужно искать как можно скорее. А там я возьму эту Амелию Бартон за шкирку и...

Увлечшись кровожадными мечтами и изрядно поплутав по огромному замку со сквозняками в длинных и мрачных коридорах, я все-таки нашла нужную мне аудиторию. Появившись на пороге, потянула за резную ручку тяжелой деревянной двери.

Аудитория выглядела почти так же, как большинство лекционных комнат в моем мире. Скамьи с небольшими сто-

лами полукругом поднимались вверх, к высокому потолку с массивными балками. Внизу было небольшое возвышение, как сцена для актера. Сейчас этим актером придется стать мне.

Я сглотнула. Никогда не любила выступления на публике.

Представь, что это просто игра, Лия. Ты же любила выдумывать себе приключения в детстве.

Я раздраженно поморщилось. Аутотренинг вышел так себе.

– Доброе утро, – проговорила я, уверенной походкой прошла к ступеням и поднялась по ним на возвышающийся над полом пятачок с письменным столом на краю.

Аудитория встретила меня разрозненными приветствиями. Возня и разговоры тут же исчезли. На меня воззрились человек тридцать студентов. Навскидку лет двадцати, не больше. В классе было только две девушки, предсказуемо сидящие в разных концах аудитории. Видимо, женское соперничество везде одинаково.

– Мисс Бартон, – заговорила одна из них – милостивая блондинка с темно-зелеными глазами. Ими она стреляла в своего соседа. – Вы сделаете предсказание и для нас? В честь праздника Шутника.

Я натянуто улыбнулась, роясь в памяти. Поиск воспоминаний походил на мучительное копание в компьютере, где среди множества папок на рабочем столе необходимо найти одну-единственную. Хорошо еще, если эта папка лежала на

видном месте, а не запрятана, как игла Кощея, в яйцо, утку, зайца и черт еще знает кого.

– Возможно, мисс Бартон, сделает предсказание лично для меня?

Под приглушенные смешки я перевела взгляд на заговорившего студента. Светлые волосы по плечи были стянуты в хвост. Белая рубашка из дорогой ткани, кажется, из натурального шелка, была расстегнута на пару пуговиц, и в высоком вороте я отчетливо видела широкую грудь. Мощные, хорошо накачанные ежедневными занятиями на полигоне плечи притягивали взгляд. Его свободная, даже ленивая поза навевала ассоциации с хищником. Я всмотрелась в карие глаза, в которых плескались азарт и напряжение, оценила многозначительную улыбку на пухлых губах и решила, что парень, бесспорно, хорош, но до льва еще не дорос.

Львенок. Довольно симпатичный, вынуждена признать, львенок.

Парень облокотился на стол и будто бы задумчиво постукал указательным пальцем по своим губам. Широкие манжеты его рубашки смахнули со стола перо, и то медленно спланировало вниз на ступеньки между рядами.

«Джеймс Грифленд» – с опозданием включилась память. Никак тоже подзависла, любуясь этим парнем.

Сколько ему? Лет на пять меня младше, наверное?

Господи, Лия! Дуреха, нашла о чем сейчас думать!

Воспоминания Амелии говорили, что Джеймс из старин-

ного и влиятельного аристократического рода. Единственный наследник и надежда своего отца – советника короля. Словом, завидная партия. Не зря обе сокурсницы буквально из платьев выпрыгивали, пытаясь привлечь его внимание. Но флирт с ровесницами для этого «золотого» мальчика был слишком мелок. Другое дело – с преподавателем!

Кажется, этот юный нахал пытался выиграть за ее, за счет Амелии, какое-то безнравственное и чисто мужское пари. Здесь мысли расплывались, как текст под воздействием воды. Видимо, то были только догадки моего двойника. В любом случае Джеймс Грифленд был головной болью Амелии. А теперь стал моей.

Спасибо тебе, дорогая, за такое наследство!

– С удовольствием, мистер Грифленд, – холодно согласилась я, своевременно припоминая, что в академии избегали титулов. Атмосфера псевдоравенства частенько раздражала Амелию. – Предсказываю вам... – В голосе появились нотки, уже опробованные на коллегах в профессорской. – Простуду в самое ближайшее время, – спокойно закончила я и сощурилась. – Если, конечно, не застегнете рубашку или хотя бы не прикроетесь шарфом. Из окон дует, не забывайте об этом.

Студенты в изумлении посмотрели на огромные овальные окна с витражами, а затем вдруг прыснули, пряча улыбки в ладонях.

– Гриф, она тебя уела.

– А я говорил...

– Бартон-то сегодня в ударе. А раньше просто кляузничала в деканат.

Я, как могла грозно, обвела взглядом взволнованную аудиторию, и все притихли, с любопытством и ожиданием рассматривая меня. Тоже мне, нашли развлечение!

– Мисс Каймлен, – ровно сказала я, радуясь, что за длинной юбкой не видно пляшущих от страха коленок. – Я предсказываю вам неприятный сюрприз и сложный день. – Лицо девушки огорченно вытянулось, а сама она сникла. – Первая часть начнет исполняться прямо сейчас.

Студенты, с сочувствием посматривающие на сокурсницу, напряглись, почувствовав неладное. Я выдержала мхатовскую паузу и со злорадством добавила:

– В честь праздника я решила устроить небольшой проверочный тест. Открывайте методички и записывайте вопросы...

По лекционке пронесся возмущенный рокот и просьбы о пощаде, но я осталась глуха к мольбам. Не то чтобы я была такой противной злоюкой, но память все еще отказывалась выдать мне воспоминания об учебном процессе. А без них я понятия не имела, о чем говорить со студентами. К счастью, у преподавателя всегда есть преимущество: не готов к уроку – дай ученикам контрольную!

– Ну, Каймлен, кто тебя за язык тянул!

– Черт, вот только этого и не хватало...

– Да при чем здесь Каймлен, это все Гриф! Разозлил эту

Бартон прямо с утра...

Несмотря на шипение и грозный шепот, студенты послушно потянулись к чернильницам и листам бумаги. П слышался шорох страниц методичек.

Я отвернулась, пряча улыбку. Что ж, первый раунд остался за мной.

* * *

Еще две пары – у первого и второго курса – пролетели незаметно. Студенты, не ожидавшие от меня подлости в виде внезапной контрольной, сопели, мрачнели и недовольно перешептывались между собой, но поделать ничего не могли. Вспомнив манеру поведения своей школьной учительницы по математике, на чьих уроках всегда хотелось забиться под парту и не подавать признаков жизни, я грозно ходила по рядам, одним своим видом заставляя отказаться от идеи списать.

Кажется, немного перестаралась, потому что первокурсников я напугала до икоты, а студенты второго курса поглядывали на меня с подозрением и покинули аудиторию в глубокой задумчивости. Понятия не имею, как вела занятия Амелия, но, видимо, наши с ней методы преподавания отличались как день от ночи.

Оставшись в лекционном зале одна, я прислонилась спиной к стене и устало потерла глаза. Желудок заурчал, на-

стойчиво напоминая, что завтрак я пропустила, а время уже близится к обеду. Неплохо было бы чем-нибудь перекусить. Война войной, а обед по расписанию.

Покопавшись в воспоминаниях Амелии, я поняла, что обычно она обедала в столовой старого учебного корпуса. Отлично, значит, голодная смерть мне не грозит.

Мрачные холодные коридоры с гуляющими по ним сквозняками казались бесконечными и мало напоминали кадры из красочного фильма о Гарри Поттере. В общем, антураж готического замка скорее подходил для мистического триллера, чем для доброй сказки о волшебниках. Да уж, Лия, лучше бы ты в Хогвартс попала...

Столовая обнаружилась в небольшой башне, стоящей поодаль от основного здания. К счастью, идти было недалеко, и я в накидке и тонком пальто не успела замерзнуть. Ветер усиливался, небо мрачнело с каждой минутой все сильнее, и оставалось только надеяться, что мне не придется возвращаться под проливным дождем.

Огромное помещение с высоким потолком, белыми колоннами, мозаичным полом и витражными стеклами напоминало столовую лишь теплым запахом еды, от которого у меня сразу потекли слюнки. Сбросив с плеч серое пальто, я втянула носом аромат свежей выпечки, горячего супа и крепкого кофе, и на губах расцвела улыбка.

Выбор блюд впечатлял: несколько вариантов горячего, на второе можно было взять рябчиков или крабов, а на десерт

предлагали такие шедевры кондитерского искусства, что я едва смогла определиться с выбором.

– Записать на ваш счет, мисс Бартон? – спросила дородная женщина в белом чепчике и переднике, передавая мне заполненный до отказа поднос.

– Да, пожалуйста.

Обанкротить своего двойника за счет постоянных походов в столовую – месть не особо изобретательная, но она начинала мне нравиться.

– Мисс Бартон!

Я вздрогнула от неожиданности и взглянула в сторону замахавшей мне рукой молодой преподавательницы. Она сидела за столом в окружении солидных коллег-мужчин, и от ее обворожительной улыбки те приосанивались и начинали говорить быстрее и решительнее.

«Элизабет Клер» – всплыло в памяти.

Именно с ней водила тесную дружбу Амелия. Выросшие вместе, они слишком хорошо знали друг друга. Между ними не было секретов.

Я уже с неприкрытой опаской посмотрела на высокую, красивую девушку с длинными иссиня-черными волосами, забранными наверх в затейливую прическу. Ее приталенное темно-фиолетовое платье с длинной многоуровневой юбкой подчеркивало тонкую талию и хрупкость самой девушки.

– Мисс Бартон! – вновь закричала Элизабет. – Присоединяйтесь к нам!

Ноги сами развернули меня в противоположную сторону и понесли как можно дальше от приветливо улыбающейся девушки. Паникующий мозг вежливо предупредил, что близкие Амелии раскусят меня в два счета, и в ужасе отключился.

Я заметалась, ища место как можно дальше от говорливой компании Элизабет. Время было обеденное, поэтому, как назло, почти все немногочисленные столики оказались заняты. Те, что остались свободны, стояли в середине зала, а маячить на самом виду в мои планы не входило.

Мой взгляд забегал по столовой, и наконец я заметила небольшой стол в противоположном углу, почти полностью скрытый за колонной. Отличное место, чтобы спрятаться от Элизабет! Не побежит же она за мной на другой конец столовой? Как-то это... неаристократично.

– Простите, можно?

Не дожидаясь ответа, я бухнула поднос на стол напротив темноволосого мужчины в черной жилетке и пиджаке на тон светлее. Ворот его белой рубашки украшал завязанный сложным образом темно-синий шелковый платок.

Мужчина с удивлением поднял на меня ярко-синие холодные глаза и сдержанно спросил:

– Мисс Бартон?

В тоне чувствовалась недосказанность. Мне казалось, слова «Какого черта вы тут уселись?» он проглотил чисто из вежливости и явно с трудом.

– Да, это я, – рассеянно согласилась я и чуть откинулась на спинку стула, вытягивая шею.

Элизабет смотрела в мою сторону и хмурилась. Я быстро качнулась обратно. Ножки стула заскрипели по мозаичному полу.

– Совершенно нет мест, – пояснила я взвешивающему на меня мужчине. Его левая бровь была приподнята.

– Конечно, понимаю, – с непередаваемой иронией протянул мой сосед и выразительно взглянул в сторону свободных столиков в центре столовой.

Я проигнорировала этот намек и пододвинула поднос с едой к себе поближе. Что ты, бука какой. Можно подумать, я ему сильно помешаю.

Память отказывалась выдать справку на незнакомца, поэтому я даже имени его назвать не могла. Сделав глоток кофе, я искоса посмотрела на него. Правильные черты лица, удивительно красивые, но холодные глаза, тонкие губы. В целом он был привлекателен, но его невозмутимо-равнодушный внешний вид скорее отталкивал, чем притягивал. В низком голосе звучала ирония, и это, признаться, раздражало. Я подумала, что большинство мужчин, попавшихся мне в академии, носили длинные волосы. Короткая стрижка соседа по столику скорее отвечала моде моего мира, чем Амелии.

– Мисс Бартон, ваш интерес к моей персоне льстит в той же степени, что и пугает.

Я фыркнула. Так замысловато меня еще не выпроважива-

ли.

Если бы я была собой, этот незнакомец получил бы резкий и в какой-то степени эпичный ответ. Но я играла роль Амелии в мире, где хамили так изощренно, что оскорбление, брошенное за ужином, могло дойти до оппонента только при поедании утренних тостов.

Пришлось искать более изящные слова.

– Льстить себе вы можете сколько угодно, – вежливо разрешила я, – а пугаться придется недолго. Так что окажите мне честь и потерпите.

– Вы очень милы. – Улыбка моего соседа сказала ровно об обратном.

– Спасибо, – поблагодарила я, сделав вид, что не поняла иронии. И, не удержавшись, ехидно добавила: – Если вам настолько страшно, можете взять меня за руку.

Взгляд мужчины говорил, что он с большим вдохновением коснулся бы змеи, но голос звучал по-прежнему бесстрастно.

– Боюсь, ваша доброта непосильным грузом ляжет на мои плечи.

Я хмыкнула. В словесные игры сосед играл намного лучше меня, и, признаться, разговаривать с ним было увлекательно. Впрочем, не настолько, чтобы забыть, кто я и что здесь делаю.

Я снова с опаской выглянула из-за колонны. Элизабет все еще сидела на своем месте, правда, ее окружение поредело:

рядом с ней осталось только двое собеседников. Настенные часы, висевшие над головой моего соседа, подсказывали, что обеденное время скоро закончится. Значит, ждать мне придется недолго. Выскользнуть из столовой раньше Элизабет не получится.

– Вы занятно играете в прятки.

Я снова качнулась на стуле и вернулась за стол. Сосед пил кофе, наблюдая за моими действиями. Решив, что заняться все равно нечем, я потянулась к ножу с вилкой. Горячая мясная отбивная источала волнующий аромат.

– Это комплимент? – уточнила я, аккуратно разрезая отбивную на маленькие кусочки.

Мне хотелось наброситься на еду, но интуиция подсказывала, что Амелия бы так не сделала. Даже если бы умирала от голода.

Глупая гордячка.

– Если вам приятно так считать, то конечно, – заверил меня сосед.

Кусок хорошо прожаренной телятины застрял у меня в горле, и я обиженно подняла глаза на своего невозмутимого собеседника. Если бы не необходимость притворяться Амелией, я бы уже давно его стукнула. Ненавижу таких невыносимых типов!

Видимо, память наконец подгрузилась, а возможно, на нее тоже подействовали подколки незнакомца, но я вспомнила, что сидящий напротив меня человек с внимательным

взглядом и отстраненным выражением лица – Айден Блэк, профессор некромантии, переведшийся в академию совсем недавно. Амелия его даже не замечала, наверное, поэтому информации о нем оказалось катастрофически мало. Из эмоций я уловила только равнодушное пренебрежение и легкую опаску, но последнее скорее относилось к профессии Блэка, чем к нему самому.

– Я предпочитаю охоту, а не прятки, – после паузы ответила я, спохватившись, что молчание затянулось. – Причем не в роли бегущего от ружья зайца.

– Похвально.

– Рада, что мои рассуждения тронули ваше сердце, – огрызнулась я и впилась зубами в отбивную.

– Но нелогично, – припечатал тот. – Охотники часто вынуждены прятаться в кустах, поджидая свою жертву. Грозно скачут по полям они только на картинах.

Я едва не подавилась и закатила глаза.

– Мистер Блэк, вы умеете проигрывать? Или хотя бы уступить даме честь оставить за собой последнее слово?

Некромант изумленно посмотрел на меня и, помедлив, ответил:

– Не уверен.

Впервые за весь разговор в его голосе прорезались эмоции. Кажется, он оказался сбит с толку. В его ярко-синих, притягивающих взгляд глазах заплескалось любопытство.

– Почему вы скрываетесь от мисс Клер?

Я в третий раз вытянула голову, выискивая Элизабет. Та по-прежнему сидела на своем месте. Чертыхнувшись сквозь зубы, я вновь нырнула в укрытие.

Интересно, ответ «чтобы не угодить в темницу» его сильно шокирует?

– Мы поссорились, – солгала я. – Не хочу выяснять отношения на публике.

– Мужчина?

– Где? – не поняла я, уставившись на Блэка.

– Во-первых, напротив вас, – невозмутимо сказал он, но на его тонких губах заиграла улыбка. – Во-вторых, вы не поняли. Я спросил, вы поссорились из-за мужчины?

В голову не пришло ничего лучше, поэтому я молча кивнула.

– Тогда вам не удастся избежать ее слишком долго. Мисс Клер невероятно настойчива и упряма. Если она посчитала, что джентльмен вам не подходит, ни за что не переменит решение.

Теперь пришел мой черед смотреть на него с изумлением.

– Мистер Блэк, кажется, вы очень наблюдательны.

Он пожал плечами.

– Невнимательные некроманты долго не живут.

Я качнула головой, соглашаясь с его словами. Задумавшись, я потянулась к чашке с кофе и сделала большой глоток. Блэк уже давно покончил со своим обедом, но не торопился уходить. Возможно, боялся, что я навсегда займу его

столик в этом укромном месте, но, вероятно, ему просто стало любопытно. Я припомнила, что сегодня утром, во время предсказания в профессорской, он смотрел на меня так же пристально. Тогда я была слишком взволнована, чтобы обратить на это внимание. Теперь же его завуалированный интерес стал очевиден.

Меня прошиб холодный пот. Некроманты наблюдательны от природы? Это же не намек, что он догадался о подмене, верно?

Я бросила на него взгляд исподлобья. Его тонкие пальцы задумчиво постукивали по столешнице. Встретившись со мной глазами, он тут же сложил руки в замок, как игрок в покер, пойманный на каком-нибудь нервном движении. С его лица снова исчезли все эмоции, оставив только вежливое ожидание.

Я заметила тонкую сеточку морщин в уголках глаз и решила, что Блэку лишь немного за тридцать, но его манеры прибавляли ему сразу десяток лет.

Осторожно поставив чашку с недопитым кофе обратно на блюдце, я мучительно раздумывала, как поскорее свернуть разговор. К счастью, ничего выдумывать мне не пришлось.

– Мисс Бартон?

Передо мной возник вихрастый и ужасно деловой мальчишка лет десяти. Карие глаза смотрели серьезно, а худые плечи были расправлены от понимания важности собственной миссии. Судя по скромной одежде, он был сыном ко-

го-то из местной прислуги. Ребятишек часто использовали для выполнения мелких поручений.

Я кивнула.

– Да.

– Ректор ждет вас в своем кабинете.

– Зачем? – насторожилась я.

Мальчишка посмотрел на меня с осуждением. Он явно поразился моей глупости.

– Мне не сказали.

– Конечно, – пробормотала я, беря в себя руки. Если буду так шарахаться от каждой мелочи, сама себя выдам. – Спасибо.

Мальчишка не уходил и продолжил выжидающе смотреть на меня.

– Что?

– Он ждет вознаграждения, – пояснил Блэк, до этого безмолвно наблюдавший за сценой.

Я развела руками.

– Прости, малыш, деньги я с собой сегодня не взяла. Может, пирожное будешь?

Мальчишка возмущенно фыркнул и, не попрощавшись, убежал в сторону выхода.

– Пирожные он и на кухне стащит, – пояснил Блэк. – Его мать – кухарка.

Я удивилась, что Блэк так хорошо осведомлен о жизни прислуги. Память Амелии подсказывала, что аристократы не

обращали внимания на тех, кто их обслуживал. Ну разве что на Рождество.

– Я должна идти, простите, – с облегчением сказала я. Разговор стал меня напрягать.

К счастью, Элизабет успела покинуть столовую, и мне не пришлось объяснять ей странности своего поведения. Придется что-то придумать, чтобы она ничего не заподозрила.

Но это позже. Сначала мне предстоит выдержать разговор с ректором. Надеюсь, он хочет поговорить не о моем увольнении.

Так бездарно провалиться на первых же порах было бы обидно.

Глава 3

Кабинет ректора находился на последнем этаже замка, прямо за деканатом. В приемной меня встретил холеный секретарь. Вырез ярко-желтой жилетки почти полностью скрывали воланы огромного белоснежного жабо. Взглянув в тонкое лицо со щеточкой щегольских усиков, я быстро оценила тщательно зализанные черные волосы, заплетенные в косичку, и решила, что либо тот перестарался с духами и укладкой, либо все-таки играет за другую команду. В этом случае бесполезно задабривать его улыбками, только – шоколадками или, как вариант, ненужными ухажерами.

– Мне назначено, – вежливо сказала я, нервно теребя пальто в руках.

– Мисс Бартон, – кивнул секретарь, имя которого я никак не могла вспомнить. – Милорд ректор ждет вас. Проходите.

Я шагнула к двери, ведущей в кабинет, помялась на пороге, а затем резко обернулась к секретарю, погруженному в перебирание каких-то бумажек на столе.

– А как у... милорда ректора, – я запоздало вспомнила, что ректора предпочитают называть по титулу, – с настроением?

Секретарь оторвался от сортирования бумаг и равнодушно посмотрел в мою сторону:

– Работать будете, мисс Бартон, – пообещал он.

– Уверены?

– Ну так дождь же все-таки пошел, – пожал плечами тот.

Я перевела взгляд в окно. По стеклу барабанили крупные капли предсказанного мною дождя.

Удивительно, как быстро по академии разлетаются слухи. Я точно помню, что секретаря в профессорской не было.

Здрав нос и нацепив на лицо самоуверенное выражение, я толкнула дверь кабинета.

Ступив на высокий ворс ковра благородного винного цвета, я немного ступшевалась. Обитель ректора подавляла предметами старины и дорогими безделушками. Эрудиция Амелии подсказала, что вон та картина, висящая над кофейным столиком, стоит половину ежегодного дохода отцовского имения. А отец – человек состоятельный и не привык отказывать себе в капризах. Но вот этот письменный малахитовый стол времен эпохи королевы Софии I не мог себе позволить даже он. Впрочем, стол был лишь малой частью элитной коллекции ректора. Например, огромная люстра с элементами золотой отделки и хрусталя входила в книгу древних редкостей, оберегаемых Департаментом истории. Она была выкуплена лишь частично и полгода радовала глаз ректора, а оставшиеся полгода – взгляды посетителей столичного музея.

Чужая память разошлась не на шутку, подсовывая мне одну деталь за другой. Видимо, Амелия частенько рассматривала коллекцию ректора и невольно составила у себя в голове

что-то вроде каталога. Я решила его не пролистывать. Пробежала глазами по роскошным креслам в углу, рядом с маленьким кофейным столиком, оценила экспонаты, похожие на индийские маски, занимавшие одну из стен, и чуть склонила голову, когда ректор встал из кресла мне навстречу.

– Мисс Бартон, – радостно поприветствовал меня он. – Проходите.

Камзол ректор снял, и темно-серая жилетка забавно натянулась на его округлом, явно появившемся с возрастом животе. На пышных седых усах сверкали серебряные зажимы. Волосы на макушке тоже были седые и стянуты в хвост тонкой лентой. В руках он сжимал пенсне на золотой цепочке, а другой гостеприимно указал на кресло возле малахитового стола. Сам он обошел стол и уселся с другой стороны. За его спиной в небольшое окно с темно-зелеными тяжелыми шторами по бокам завывал ветер и стучал дождь.

– Вы меня вызывали? – спросила я, осторожно присаживаясь.

К юбке я пока не привыкла, и мне приходилось контролировать свои движения, чтобы не запутаться в ней и не растянуться с позором на полу.

– Ну что вы, мисс Бартон! – добродушно отмахнулся ректор. – Вызывал, что за слово? Я вас пригласил.

Я растянула губы в вежливой улыбке, и он продолжил:

– Как ваш батюшка? Уже отошел от болезни? А матушка все еще в отъезде?

Шарики в моей голове завертелись с бешеной скоростью. Так быстро я еще не копалась в памяти Амелии.

Мистер Саймон – имя ректора. Вернее, так его величали только в демократичной академии, а за ее пределами – лорд Саймон. Кажется, тот носил титул маркиза, если я правильно разобралась в сложной схеме, подsunутой коварной памятью Амелии.

Хорошо, но это не то! Вспоминай быстрее, ну!

С моих губ сам собой раздался чопорный, достойный выпускницы пансиона Мученицы Анны ответ:

– Благодарю, милорд. Отец выздоровел. От его болезни, слава Единому, не осталось ни следа. Он уже вернулся на службу.

– Какие приятные новости!

Я опустила очи долу и продолжила:

– От матушки недавно пришло письмо. Она гостит у тетушки и надеется вернуться к Рождеству. В ее планах посетить конференцию профессора Шекслера, посвященную новым тенденциям магической медицины.

– Всегда восхищался леди Джейн! Даже замужем она не растеряла своего дара. Ее лечебница – лучшая в столице!

Я сделала вид, что польщена. Память запоздало подкинула картины праздничных ужинов в имении отца Амелии. Почти на всех них присутствовал ректор. Отлично, значит, увольнение мне все же не грозит.

Видимо, посчитав словесную прелюдию оконченной, рек-

тор положил руки на стол и сложил пальцы в замок.

– Мисс Бартон, – серьезно сказал он, – я хотел поговорить с вами о предсказании.

– Но ведь дождь пошел! – возмутилась я.

– Что? – удивился ректор и обернулся, чтобы взглянуть в окно. – Да, и правда. Но речь не о сегодняшнем предсказании. В самом деле, если у вас женское недомогание, могли прямо об этом сказать, а не вымучивать из себя сомнительное пророчество.

Я молча открыла и закрыла рот. Действительно, здесь считалось, что ежемесячное «женское недомогание» может мешать колдовать. Интересно, если это самое недомогание затянется у меня на пару недель или месяцев, это будет сильно подозрительно?

– Я не понимаю, о чем вы, – честно призналась я.

Ректор вздохнул. Видно, тема была неприятной и щекотливой.

– Я о том видении, которым вы поделились со мной пару недель назад. Сразу после... – он сделал паузу, – после смерти мистера Томсона.

Перед глазами снова пронеслась сцена на светском приеме, где мужчина падает на пол, его тело сводит судорогой и оно замирает. Эта яркая картинка сменилась еще более мрачной – той, где умираю уже я.

Но, кажется, Амелия никому не говорила о том, что увидела в видении собственную смерть.

Я посмотрела на ректора, раздумывая над ответом. Тот подбодрил меня.

– Мисс Бартон, у вас невероятно сильный дар, – сказал он, подпустив в голос меду, – скажите, вы не разглядели в магическом шаре лица жертвы? В первый раз вы сказали, что видение было нечетким, но за две недели вас не посещала... более понятная для толкования картинка?

Повисло молчание. Ректор смотрел на меня выжидающе, а я быстро соображала. Амелия по какой-то причине не сказала ему о собственной скорой гибели (вернее уже моей), притом, что ректор – друг ее семьи. Если смолчала она, почему должна довериться я? Меня он в детстве на спине не катал.

– Простите, мистер Саймон, – с притворным огорчением проговорила я и скромно сложила ладони на коленях. – К сожалению, мне нечего добавить к уже сказанному. Преступление совершится повторно, но кто именно станет жертвой, я не знаю.

Ректор крикнул, а затем покачал головой.

– Печально-печально... Простите, что беспокою вас с этим, но полицейское расследование так медленно продвигается, а семья Грифлендов с каждым днем тревожится все сильнее.

Грифленд. Ну конечно! Джеймс Грифленд приходился лорду Томсону племянником. Черт ногу сломит в этой сложной родословной аристократов.

– Мне жаль, что семью Грифлендов постигло такое несчастье, – как и подобает случаю, с достоинством выразила сочувствие я.

– Прекрасная семья, – задумчиво проговорил ректор. – Уже четвертое поколение обучается в стенах нашей академии.

Я вежливо покивала, изображая понимание. Следующие слова ректора заставили мое лицо перекошиться.

– К слову, о них. Мисс Бартон, не могли бы вы проявить снисхождение к мистеру Грифленду? Молодому Джеймсу сейчас непросто. Смерть дяди сильно подействовала на него. А вы жестоко высмеяли его перед всем курсом, – с неодобрением заметил он.

– Да я...

– Горячо сожалеете? – подсказал ректор.

Я проглотила почти сорвавшиеся с губ слова, сильно отличающиеся от услышанной версии. Фраза «Голову ему сверну за кляузничество» так и осталась вертеться на языке, покалывая нёбо.

– Безмерно, – мрачно согласилась я. – Безмерно сожалею. «Что не задушила его собственным шарфом».

– Я рад, что мы пришли к пониманию, – кивнул ректор и вдруг спросил: – Мисс Бартон, вам нехорошо?

– Почему вы так решили? – удивилась я.

– У вас выражение лица, как у человека, увидевшего мышь.

– И готового закричать?

– Хм... Скорее схватиться за чугунную кочергу и прибить мерзкого грызуна.

«Отличная идея!»

Я выдавила из себя улыбку.

– Это все женское недомогание, мистер Саймон. Если позволите, я пойду к себе и прилягу ненадолго.

– Конечно-конечно, – с пониманием откликнулся ректор и посмотрел в пенсне, наведя его на меня. – В лечебнице наверняка дежурит кто-то из магов-целителей. Возможно...

– Благодарю, – отказалась я, медленно вставая из кресла и разглаживая рукой юбку, – но в этом нет необходимости.

Ректор тоже встал и проводил меня до двери. Уже на пороге он снова напомнил мне:

– Мисс Бартон, если ваше видение вдруг станет более четким...

– Я непременно сообщу вам, мистер Саймон, – солгала я и покинула кабинет.

* * *

Мне повезло. Когда я, дрожа от пронзительного ветра, вышла из замка и направилась в общежитие преподавателей, располагающееся за небольшим парком, дождь стих. Стуча зубами от холода, я посчитала это хорошим знаком. Я не могла вспомнить, где оставила меховую накидку. Без нее тонкое

пальто почти не грело. Каблуки сапожек Амелии глухо стучали по дорожке, выложенной брусчаткой. Несмотря на ранний час, из-за плохой погоды уже сгущалась темнота. Желтый свет высоких фонарей, бегущих вдоль пожухлого газона, падал на дорожку и разгонял гуляющие по ней тени. За спиной раздался топот чьих-то ног.

– Мисс Бартон!

Я резко обернулась и практически уткнулась в широкую грудь.

– Мистер Грифленд, – без малейшей нотки радости протянула я. – Что вы тут делаете?

– Вас догоняю, – легко признался он. – Уже догнал.

Я сделала шаг назад и посмотрела на парня внимательнее. В неровном свете фонаря его лицо казалось старше и серьезнее. На высоком лбу, между широкими дугами светлых бровей, пролегла морщинка – Грифленд хмурился и выглядел виноватым.

Совість проснулась?

– Сомнительное достижение, – заметила я, возвращаясь к разговору. – Догнать преподавателя прорицания несложно. Попробуйте в следующий раз обогнать своего куратора на тренировочном полигоне.

Я отвернулась и снова зашагала по дорожке парка. За голыми кронами уже виднелось небольшое двухэтажное строение в готическом стиле. Когда-то оно использовалось в качестве домика для гостей (вот это я понимаю – размах!), но

то было давно. С тех пор как замок превратили в академию, эту пристройку отдали под общежитие для преподавателей.

– Подождите! Я хотел с вами поговорить.

– У меня нет времени, мистер Грифленд.

– Я в этом не уверен.

– Вы правы, – согласилась я и снова обернулась к нему. – Тогда вот вам правдивый ответ: у меня нет желания разговаривать с вами, и к тому же мне холодно.

Я натянула на руки рукава, жалея, что классическое пальто Амелии не предусматривает карманов. Наверное, надо было взять перчатки, но в утренней спешке я их не нашла.

Я не без зависти взглянула на Грифленда. На нем было теплое и удобное пальто с высоким воротом и капюшоном. Последнее – дань молодежной моде. Амелия тоже такое хотела, но продемонстрировать бунтарский дух и знание новых веяний моды ей мешал статус преподавателя.

Я удивленно моргнула и остановилась, когда на мои плечи легло рассматриваемое секунду назад пальто. Его щедрый владелец остался в одной рубашке. От вида его оголенной шеи мне стало еще холоднее.

– Это... что? – строго спросила я, скосив глаза на лацканы пальто.

– Вы же мерзнете, – пожал плечами Грифленд. – А я хочу с вами поговорить.

– Да вы... – Я замолчала, припоминая, можно ли оскорблять студентов и не грозит ли это увольнением. Мне толь-

ко-только удалось его избежать.

– Я бы пригласил вас в кофейню, где хотя бы тепло, но вы же не пойдете.

– Держите ваше пальто, – сухо сказала я, скидывая с себя предмет чужого гардероба. – Не превращайте наш диалог в фарс.

Парень криво усмехнулся и подхватил свое пальто на лету, а затем так же быстро снова накинул мне его на плечи.

– В деканат на вас пожаловался не я.

Удивленная резкой сменой разговора, я перестала стягивать с себя мужское пальто и недоверчиво посмотрела на Грифленда.

– И кто же тогда?

– Не знаю, – признался тот и повел широкими плечами под тонкой рубашкой. На пронизывающем ветру этот жест смотрелся эффектно. – Записка была анонимная.

– Удобно, – пробормотала я, снова сбросив с себя чужое пальто.

– Но я узнаю, – грозно пообещал он.

В его голосе прорезались рычащие нотки, и я замерла. Смена масок произошла так стремительно, что я упустила момент, когда беззаботный ловелас превратился в опасного противника. Такому лучше дорогу не переходить: глотку перегрызет. Молодые львята бывают опаснее взрослого льва: безрассудство и сила у них уже есть, а вот здравый смысл пока еще отсутствует.

Я вздохнула.

– Мистер Грифленд, я не сержусь на вас из-за этого доноса. Ректор вызы... приглашал меня по другому поводу.

В этой академии новости разлетаются быстрее, чем в деревне. Я только вышла из кабинета ректора, а уже все любопытные в курсе, что я там была. Нет, здесь придется держать ухо востро. Малейшая ошибка, и ты попалась, Лия!

– Я рад, мисс Бартон, что вы не держите на меня зла. – На губах Грифленда появилась уже знакомая томная улыбка сытого котяры, но она быстро исчезла, когда он серьезно добавил: – Но доносчика я все равно найду.

На последних словах он забрал пальто из моих рук и снова накинул его на мои плечи.

– Позвольте, я вас провожу?

– Нет!

– Я все равно провожу.

Даже не оборачиваясь, я скорее почувствовала, чем увидела, его наглую самоуверенную ухмылку и закатила глаза.

– Мистер Грифленд, немедленно оденьтесь!

– Вас волнует мой полуобнаженный вид?

Мы медленно шли к общежитию преподавателей и препирались на ходу. Я несколько раз уже всучила Грифленду пальто, тот с не меньшим пылом его мне возвращал. Кажется, мы оба понимали, что выглядим глупо, но остановиться не могли. Нашла коса на камень.

Я фыркнула. Полуобнаженный вид! У человека в рубаш-

ке и брюках? Хотя в темноте и на осеннем пронизывающем ветру Гриффенд и правда казался мне практически голым.

– Я волнуюсь исключительно за вашу простуду, которую вы, без сомнения, уже подцепили.

– Переживаете, что я заболею?

Он подмигнул мне и быстро облизнул сухие губы.

– Переживаю, что вы пропустите мои лекции и не сдадите зачет.

– Вы такая принципиальная, мисс Бартон.

Он сказал это с тем выражением, с каким другие произносят: «Вы очень красивая».

Я споткнулась на ровном месте и с облегчением выдохнула: мы пришли.

– Мистер Гриффенд, возьмите свое пальто. Премного благодарна вам за... – Прогулку? Флирт? Обещание разобраться с доносчиком? – За содержательную беседу.

– Всегда к вашим услугам, мисс Бартон.

Я уже потянулась к ручке входной двери, когда раздался еще один мужской голос, хорошо запомнившийся мне своими холодными нотками.

– Мисс Бартон, мистер Гриффенд?

К нам приближался некромант. Прямое черное пальто было аккуратно застегнуто на все пуговицы, а короткие волосы оказались взлохмачены злым ветром. На набалдашнике трости, которую держал в руках мужчина, сверкало серебристое изображение черепа.

Издержки специфического чувства юмора?

– Мистер Блэк, – поздоровалась я и занервничала, взглянув на Грифленда, – мы тут...

Плюшками балуемся.

– Обсуждаем мой доклад, – подсказал парень.

– Замечательно, – равнодушно одобрил некромант и ровно спросил: – Закаляетесь, мистер Грифленд? – Не дожидаясь ответа, он продолжил: – Вы выбрали опасную погоду. Я бы на вашем месте накинул пальто, которое так сердобольно протягивает вам мисс Бартон.

Я вспыхнула. Ничего не сердобольно! Нормально я протягивала.

Двое мужчин уставились друг на друга с таким напряженным вниманием, что я поняла одно: мне пора делать ноги.

– Собственно, уже поздно, – кашлянула я, снова потянув на себя ручку входной двери. – Доброго вечера, джентльмены.

Тихонько улизнуть не получилось.

– Постойте, мисс Бартон, – окликнул меня Блэк. – Кажется, это ваше.

Он вложил мне в руки меховую накидку. Ту самую, что я потеряла.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я. – Где вы ее нашли?

– Вы забыли ее... – Блэк сделал паузу и усмехнулся, заметив, как напрягся Грифленд. – В столовой.

Грифленд расслабился. Он ожидал окончания фразы в стиле «в моей спальне»?

Я фыркнула и, чопорно попрощавшись, исчезла за дверью. Меня встретил просторный холл с высоким потолком и старым паркетом на полу. Вдоль стен тянулись узкие диванчики и мягкие кресла. Между ними прятались растения в больших кадках.

Поворот налево вел в женское крыло, направо – в мужское.

Я все еще топталась на пороге, когда входная дверь снова закрипела, и мне пришлось подвинуться: в холл вошел Блэк. Он чуть приподнял бровь при виде меня.

– Мисс Бартон, вы еще не ушли?

– Уже почти, – стушевалась я и зашагала в сторону лестницы. Моя комната была под чердаком. Можно сказать, пентхауз.

– Мисс Бартон, – ровно сказал Блэк, когда я уже коснулась ладонью перил, – надеюсь, с мисс Клер вы поссорились не из-за мистера Грифленда?

Я подняла голову, но ответить ничего не успела.

– Пункт одиннадцать параграфа пятьдесят четыре «Свода правил для преподавателей» гласит, что за интимную связь преподавателя со студентом должно последовать незамедлительное увольнение первого и исключение второго.

– Невероятно познавательно, – устало сказала я, – но у нас с мистером Грифлендом самая что ни на есть высоко-

духовная связь. Такая высокодуховная, что его преосвященство будет иметь все основания для причисления моего имени к лику святых.

– Рад это слышать, – все так же равнодушно заметил Блэк и направился в правое крыло – очевидно, к себе в комнату.

Я сторбилась и прислонилась лбом к холодным металлическим перилам с затейливой резьбой.

Что это сейчас было? Меня отчитали или предостерегли?

Во всяком случае, уж точно не приревновали.

Медленно ступая по высоким ступеням, я неохотно поднималась к себе. Я мечтала об одном – упасть и уснуть мертвым сном.

Кто бы мог подумать, что во сне я увижу Амелию?

Глава 4

Я долго возилась с книгами, найденными на столе Амелии. Сначала я листала их торопливо, а затем – медленно, стараясь вникнуть в формулы и схемы. Память играла со мной в кошки-мышки, и лучше всего мое состояние описывала известная фраза: «Тут помню, там не помню».

Информации о двойниках нашлось до обидного мало. Мне не попалось ничего толкового кроме того абзаца об обмене душами. Я также нашла упоминание, что дар у двойников, несмотря на внешнее сходство, может быть разным и даже противоположным друг другу (как это часто бывает у близнецов), но мне до таких деталей не было никакого дела. Я уже поняла, что у меня дар отсутствует напрочь.

Наверное, я уснула прямо так, сидя за столом, потому что шею ломило, а момент укладывания в кровать в памяти не остался. Снова, как и во сне с зеркалом, я четко знала, что сплю.

Я очутилась на небольшой зеленой лужайке рядом с округлым чистым прудом. Его берег был окаймлен плакучими ивами, и его прозрачная гладь виднелась лишь в просвете зеленых ветвей. На мне были мои любимые рваные джинсы, черная футболка с многозначительной надписью «Not today» и белые кеды на толстой подошве. Волосы снова оказались обрезаны, и я повертела головой, наслаждаясь ощущением

свободы. Длинные волосы – это, конечно, красиво, но ту легкость, которую дарит стрижка, ничто не может заменить.

Постояв на месте и прислушиваясь к щебетанию птиц, я не спеша двинулась к пруду. Шелковистая трава под моими ногами легко приминалась, тишина и уединение навевали умиротворение. Я даже не удивилась, увидев у пруда Амелию. Я же думала о ней перед сном, так что подсознание лишь выполнило мое желание, подсунув негодницу мне под нос. Эх, жаль, что ненастоящую!

Я медленно, наслаждаясь теплым воздухом и запахом воды, приблизилась к Амелии и опустилась на траву немного поодаль от нее. Она задумчиво всматривалась в разложенные перед собой карты. Белое кружево на краю ее длинной желтой юбки оказалось испачкано в зелени, но Амелию, судя по всему, тревожило не это. Ее лоб был нахмурен, а губы сжаты. Белая блузка с пышными манжетами и желтая шляпка на макушке прекрасно завершали ее романтический образ. Для полноты картины не хватало только плетеной корзинки и клетчатого пледа.

– Вы все-таки пришли, – сказала она, не отрываясь от карт.

– А что, должна была потеряться в пути? – фыркнула я.

Амелия удивленно моргнула, подняла на меня спокойный взгляд и покачала головой.

– Нет, такого не могло случиться. Все дороги ваших снов ведут сюда, к пруду.

– Не пруд, а прям-таки Рим, – с уважением протянула я, посмотрев в сторону чуть колеблющейся воды.

– В каком-то смысле, – согласилась Амелия и передвинула одну из карт левее. – Но я бы скорее сравнила это место с карманом между мирами.

Она тяжело вздохнула и смела карты в кучу.

– Нет, ничего не вижу.

– Так ты гадаешь? – с пониманием спросила я, сорвав травинку и прихватив ее кончик зубами.

– Предсказываю! – уязвленно поправила Амелия и с досадой добавила: – Сколько ни раскладываю карты, не могу увидеть лица убийцы.

Надо же, во сне даже у Амелии прорезалась совесть! А иначе с чего бы моему двойнику пытаться увидеть лицо преступника? Ей-то смерть уже не грозит.

– Почему? – без особого интереса, скорее чисто из вежливости спросила я, лениво развалившись на траве.

В глаза светило солнышко, и я довольно зажмурилась. Разговоры об убийце меня не пугали. Разве это важно, когда сейчас так хорошо?

– Не знаю, – неохотно призналась Амелия. – У меня сильный дар, – не без гордости продолжила она, – и обычно я могу увидеть хоть что-нибудь. Если молчат карты, я обращаюсь к магическому шару или к кофейной гуще. Иногда даже серебряные монеты могут указать путь и дать подсказку. Но в этот раз... ничего не выходит. Словно кто-то накинул на

зеркало темную ткань.

– Это подозрительно, – отозвалась я и прикрыла ладошкой глаза, всматриваясь в белые облака на пронзительно синем небе. – И грустно.

– Я рада, что вы так спокойно все воспринимаете, – с ноткой облегчения проговорила Амелия.

– Глупо злиться на то, что тебе снится, – пожала плечами я. – Об играх подсознания еще Фрейд говорил.

Повисла пауза. Амелия молчала. В душу закралось подозрение, заставившее меня перевернуться на живот и приподняться на локтях. Всматриваясь в свою притихшую собеседницу, я уточнила:

– Ты же мне сейчас сниться, верно?

Амелия прокашлялась и принялась изучать свои аккуратно подстриженные ногти на руках.

– В каком-то смысле...

– То есть, – вкрадчиво спросила я, медленно вставая с травы, – ты не плод моей фантазии?

– Нет, я настоящая, – сказала Амелия, тоже вставая с колен и осторожно пяясь, не спуская с меня глаз. – Разве это что-то меняет?

– О, еще как! – хищно улыбнулась я.

Мы рванули с места одновременно: я за Амелией, а она – от меня.

– Стой, стерва! – закричала я. – Я тебя все равно поймаю! Ты у меня еще попляшешь!

– Я отвратительно танцую, – бросила она, ловко перепрыгивая через толстые корни ивы, распластавшиеся по земле. Амелия, подоткнув край юбки за широкий пояс на талии, передвигалась с удивительной ловкостью. Я в джинсах и кедах едва поспевала за ней. – Вам не понравится мой танец!

– Понравится-понравится! – мстительно заверила я и прибавила скорость.

Мы три раза обежали вокруг ствола ивы. Каждый раз, когда мне оставалось чуть-чуть, чтобы ухватить рыжую негодяйку за плечо, та уходила от моего захвата, как заяц от зубов волка. Я даже клала зубами от злости так же, как этот несчастный (клянусь вам, несчастный!) волк.

Все-таки мировая справедливость существует. При очередном прыжке, больше похожем на па из балета, Амелия зацепилась стопой за корни дерева и с громким ругательством, явно недостойным леди, рухнула на землю.

– Попалась!

Амелия молча, как герой из боевика, отползла к стволу дерева и прислонилась к его шершавой коре спиной. Она посмотрела на меня, будто принимая свою судьбу. Я даже замерла. Ну и что с ней делать? Отпинать ногами и потаскать за волосы? Мама меня такому не учила.

Мама...

– А теперь возвращай меня обратно домой, – твердо сказала я, нависнув над Амелией. – Поиграли – и хватит.

– К сожалению, я не могу.

– Это еще почему?!

– Соглашаясь на обмен, ты дала магическую клятву, что поможешь мне.

– Что-то я такого не припомню, – сощурившись, сказала я.

Память тут же невозмутимо подсунула мои собственные слова:

– Ты согласна помочь?

– Да согласна я, согласна!

Ноги перестали держать, и я опустилась на землю, прямо рядом с Амелией. Та смотрела на меня с проблесками сочувствия и даже немного подвинулась, уступая место.

– Это ж с какого, простите, перепуга мои слова приравниваются к магической клятве?

Амелия пожала плечами.

– У неинициированных магов слова, сказанные в приступе сильных эмоций, часто несут с собой какой-то посыл. В минуты гнева они могут проклясть, сами того не желая. Причем так замысловато, что потом ни один лекарь не поможет. Твоя паника выплеснулась в виде клятвы.

Амелия перешла на «ты», но я, погрузившись в размышления, даже не сразу это заметила. Впрочем, «выкаты» в нашей ситуации было бы странно.

– Лучше б я тебя прокляла, – искренне посетовала я. – Дай-ка догадаюсь, неисполнение клятвы грозит смертью?

– Это настолько очевидно?

– Да у вас, магов, шаг влево – темница, шаг вправо –

смерть. Тьфу!

– Прости? – не поняла Амелия.

– Да на ваш мир тьфу! – раздраженно пояснила я и снова выругалась: – Какая же ты мерзавка, дорогуша!

Амелия опустила глаза, ее ресницы подрагивали.

– Я струсил, признаюсь. Обычно в раскладах мне доступны варианты судеб, но в этот раз... Не было ни малейшего намека на разветвление троп и на возможность исправить будущее!

– Спасибо, – саркастично прокомментировала я, борясь с желанием стукнуть рыжую прохвостку, – я уже поняла, что дело ты мне подсунула бесперспективное.

Амелия выпрямилась и сложила ладони на коленях. Учитывая, что сидела она на голой земле, а не на стуле, обитом парчой, смотрелось это забавно.

– Если бы у тебя в руках оказалась возможность избежать смерти, неужели ты бы ее упустила?

– Если бы вместо меня на гильотину пришлось взойти другому человеку, то как-нибудь бы сдержалась, – мрачно огрызнулась я.

Амелия снова опустила глаза, рассматривая свои ногти.

– Я... понимаю, – ее голос дрогнул.

Между нами легло молчание. Я водила пальцем по коре дерева и предавалась нерадостным мыслям. Я умудрилась попасть, да еще как! Останусь в мире Амелии – умру от рук отравителя, вернусь в свой (если еще мой двойник согласит-

ся на обмен, а у меня по-прежнему были на этот счет сомнения) – тоже погибну из-за невыполнения дурацкой клятвы. Мне даже иллюзию выбора не оставили.

– Ну и чего ты заявила ко мне в сон? – все еще злясь, спросила я у притихшей Амелии. – Позлорадствовать?

Та покачала головой и неуверенно ответила:

– Я хочу помочь.

Последний раз я так смеялась на конкурсе СТЭМа в университете. Там мои сокурсники шутили так же странно, и их нескладные диалоги в конце концов заставляли хихикать из-за абсурдности происходящего.

– Нет, правда, – заволновалась Амелия. – Мне стыдно за свой поступок. Ты не представляешь, как трудно жить, зная, что повинна в чужой смерти!

– И что, – хмыкнула я, – ты бы обратно поменялась со мной местами, будь такая возможность?

Румянец окрасил бледную кожу Амелии. Нет, она точно что-то с ней делает. Ни одной веснушки, удивительно!

Я разозлилась на себя.

Господи, Лия, нашла о чем сейчас думать.

– Возможно... – тихо ответила Амелия, избегая встретиться со мной взглядом.

Я гневно выдохнула через ноздри.

Отличный ответ! Ну что ж, зато честный...

Я отодвинулась, боясь не совладать с мелочным желанием пнуть негодяйку ногой. Драться я не собиралась. Это все

эмоции, а мне сейчас нужно включить логику.

Как там говорил Шерлок Холмс? Серые клеточки должны работать? Или так уверял Эркюль Пуаро? Черт, не помню.

Лия, соберись! Потом будешь вспоминать классиков.

– И как ты собираешься помочь? – максимально спокойно спросила я.

Фантазия в этот момент подсунула картину, где мои ладони сошлись на шее Амелии, и я трясую ее, словно грушу. Пришлось цыкнуть на разыгравшееся воображение. Об этом я еще успею помечтать. Чувствую, не единожды.

Амелия, не подозревая о моих кровожадных мыслях, приободрилась. Она деликатно поправила съехавшую на лоб шляпку и проговорила:

– Ясновидение – сложная наука.

Я фыркнула на последнем слове, но, встретившись с неодобрительным взглядом своей собеседницы, натянула на лицо самое серьезное выражение.

– Конечно, – с готовностью откликнулась я. – Невероятно сложная.

Амелия, не уловив ехидства, кивнула.

– Работая с вариантами судебных, нельзя забывать о теории вероятности и том самом случае, который зачастую полностью меняет увиденную картину.

– Занятно, – вяло протянула я. – При чем здесь я?

– Ты – тот самый случай.

Я пожевала губами, пытаюсь уложить в голове новую ин-

формацию. Получалось плохо.

– Поясни, – потребовала я после паузы.

Амелия вздохнула, отогнала от себя жужжащего шмеля и продолжила. В ее голосе появились менторские нотки. Наверное, именно так она говорила со студентами.

– Существуют две разные теории. По одной – будущее неизменно и вмешательство в него бесполезно. Другая точка зрения гласит, что пророчества для того и даруются небесами, чтобы человек мог изменить свою судьбу. Первая для нас бесполезна, – Амелия с легкостью отбросила в сторону тот вариант, где я гарантированно умру. Я кисло улыбнулась. – Вторая же дает надежду, что мы можем остановить ход колеса Судьбы.

– И как же?

– Я не договорила, – укоризненно заметила Амелия. – Изменить увиденный расклад может случай. Это сравнимо с тем, как в клетку с грызунами запускают новую крысу. Начинается возня. Чаши весов могут покачнуться. Рисунок будущего, как чайники в чашке чая, ляжет немного иначе.

– Сравнение со случаем мне нравилось больше, чем с крысой, – задумчиво заметила я.

– Изначально я хотела прибегнуть к метафоре с пауками.

– Молодец, что выбрала крыс, – похвалила я, и Амелия польщенно улыбнулась.

– Словом, – снова заговорила она, – как только ты появилась в моем мире, расклад изменился. Теперь будущее стало

еще более туманно – чаши весов колеблются.

– И?

– И у нас появился шанс! – Под мое цоканье Амелия поправилась: – У тебя появился шанс остаться в живых.

– И вернуться домой?

– И вернуться домой, – кивнула она, – после того как клятва будет исполнена. Ты обещала помочь мне выжить.

– Ну что ж, – решительно подытожила я и рубанула ладонью в воздухе, – значит, мне нужно вычислить и поймать преступника.

Рот Амелии приоткрылся. Она с удивлением посмотрела на меня.

– Я имела в виду, что тебе придется подождать, пока я с помощью ясновидения не укажу тебе на убийцу.

– Э, дорогуша, – протянула я, – мы этого можем ждать, как дождичка в четверг.

– Прости? – снова не поняла Амелия.

Я лишь отмахнулась.

– Это так, поговорка. В общем, ты, конечно, можешь и дальше трясти своим магическим шаром или чем ты там трясешь... – Я с сомнением посмотрела на Амелию, обиженно поджавшую губы. – А я лучше обращусь к более понятным мне материям.

– У полиции нет улик, – уязвленно напомнила она.

– У них нет, – согласилась я, – а у меня будут!

В конце концов, у полиции недостаточно мотивации.

Умирать-то они не собираются! У них вагон времени. Чего не скажешь обо мне...

Амелия убрала невидимые глазу пылинки со своей юбки и медленно подняла на меня задумчивый взгляд.

– Хорошо. Мне нравится этот план. Так и работает случай.

Для кого-то случай, а для меня – единственный шанс выжить и вернуться домой, к маме.

Мама...

– Я надеюсь, ты не расстраиваешь маму? Смотри, чтобы с работы тебя не выгнали! Ей только таких переживаний не хватало!

Амелия, сбитая с толку резкой сменой темы разговора, подумала и робко уточнила:

– А уволиться нельзя? Понимаешь, финансовые отчеты...

– Нельзя! – отрезала я. – Не смей мне маму расстраивать!

– Но ты же и сама хотела...

– А ты даже не думай! – огрызнулась я.

Амелия надулась, посопела, но промолчала. Все-таки зачатки совести у нее были. Отказать мне в таких мелочах она не посмела.

Впрочем, у моего двойника смелости оказалось больше, чем совести. Найти меня во сне и взглянуть в глаза после провернутой подлости? Признаться, я впечатлена!

Мамочка, я обязательно вернусь. Разберусь с этим убийством и вернусь. И даже выйду замуж, как ты хотела! Обещаю.

Сглотнув ком в горле, я с трудом переключилась на деловой лад и воскресила в памяти все прочитанные и просмотренные детективы.

– Что ты можешь рассказать мне об убитом?

Амелия взглянула на меня с легким недоумением.

– То же, что ты и так знаешь. Ты обладаешь моими воспоминаниями.

– Только почему-то они подчиняются мне через раз, – мрачно заметила я.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась она. Ее тонкие брови взлетели вверх.

Я вздохнула, встала и, сделав несколько шагов, уселась на стоящий поодаль высохший пенёк.

– Воспоминания о твоей жизни появляются спонтанно и фрагментно. Я не могу контролировать этот процесс.

– Интересно... – протянула Амелия и отклонилась немного назад. Одной рукой она обхватила себя за талию, а другой потянулась к подбородку и задумчиво коснулась губ указательным пальцем.

– Да не особо, – честно призналась я. – Скорее муторно.

– Я не об этом, – покачала головой она. – Дар принадлежит душе, но воспоминания – телу. Ты получила мое тело, а значит, и мою память.

Я фыркнула и пожала плечами.

– Не обижайся, подруга, но память у тебя глючная. Если она так же работала и у тебя, не представляю, как ты дожила

до своих... наших лет.

Амелия проигнорировала мою подколку. Она перевела взгляд на спокойную гладь пруда и медленно проговорила:

– Твои трудности могут говорить только об одном.

Только не шизофрения, пожалуйста!

– Ты не принимаешь тело, не считаешь его своим. Оборвана связь телесного и духовного.

Слава Богу, не шизофрения!

Я выдохнула с облегчением. Смысл слов, сказанных Амелией, дошел до меня не сразу.

– Подожди-подожди, ты хочешь сказать, что я должна полюбить свое новое тело и все такое прочее, о чем любят потрепаться в новомодных тренингах?

Амелия ненадолго примолкла. Мне подумалось, что сленг и некоторые словечки она понимает не сразу, будто ждет, когда сработает переводчик в ее голове. Занятно.

– Ты утрируешь, – поморщилась она, не оценив иронии, – но в целом верно. Ты будто не хочешь стать одним целым с телом, сопротивляешься. Отсюда все сложности.

– Нет, ну в принципе твое тело мне нравится, – растерянно пробормотала я, призадумавшись. – И волосы, и кожа... Скажи, как ты избавилась от веснушек? – вдруг неожиданно для себя с любопытством спросила я.

Амелия приосанилась и натянула маску ложной скромности.

– Это все природная красота. – Под моим взглядом она

сдулась и призналась: – В сундуке под кроватью, под стопкой нижнего белья, пузырек с розовым зельем – втирай в кожу как обычный лосьон, два раза в день.

– О!

– Для волос не забудь использовать шампунь с чешуйками золотого дракона. Матушка выкупила его на аукционе магических редкостей, поэтому расходуй, будь добра, экономно. Иначе отец снова начнет хвататься за сердце.

Я прикинула цену такой вещи и мысленно присвистнула. А Амелия еще завидовала коллекции ректора! Тот хотя бы скупал предметы искусства, а не косметику стоимостью небольшого имения.

Амелия между тем продолжила:

– В голубом флакончике – флер, придающий блеск волосам и корректирующий их цвет. Наноси два раза в неделю. Притирания, выравнивающие тон лица, в шкатулке с драгоценными камнями. Используй по утрам. Бальзам для губ лежит в круглой коробочке-медальоне. Масло для тела с вытяжкой василиска найдешь в шкафу, за кипой книг. Не переставляй его! Василиски питают слабость к знаниям, и их кровь, даже после смерти, играет магией рядом с книгами.

– Я постараюсь ничего не перепутать, – неуверенно пообещала я, жалея, что не прихватила с собой блокнот и карандаш.

– Я надеюсь, – кивнула Амелия. – Мне не хотелось бы, чтобы ты запустила мое тело.

Она ничего больше не добавила, но окинула меня выразительным взглядом. Я вспыхнула и пригладила свое каре.

– Вот не надо, я нормально выгляжу.

– Конечно, – невозмутимо согласилась Амелия.

Я насупилась. Ну нет у меня отца-аристократа, готового исполнить любую мою прихоть. Нашла чем хвастаться! С деньгами возможностей ухаживать за собой заметно больше.

– Вернемся к делу, – сухо напомнила я. – Так что ты мне расскажешь о... – я сделала паузу, припоминая имя, – о мистере Томсоне?

Амелия помолчала, раздумывая над ответом.

– Право слово, даже не знаю. Было бы легче, прими ты свое новое тело. Все воспоминания запечатаны в твоём сознании.

– Аутотренингом займемся позже, – не поддалась на провокацию я. – Так что?

– Мистер Томсон... – со вздохом протянула Амелия и тоже встала. Дойдя до меня, она остановилась и взглянула в сторону пруда: – Достойный человек, представитель славного и древнего рода, талантливый маг. Он преподавал у нас теоретическую магию и был одним из лучших в своем деле.

Очередная картинка-воспоминание пронеслась в голове. Теоретическая магия – сложный предмет, дающийся далеко не всем. Маг, специализирующийся в этой сфере, создавал новые заклинания.

Мистер Томсон часто работал в связке с магом-артефак-

тором, не просто придумывая что-то, а воплощая свои идеи в жизнь. Из недавних изобретений большой шум наделали порталы, заключенные в предметы.носишь с собой неприметное кольцо, а в нужный момент надеваешь его на палец и под удивленные взгляды врагов исчезаешь, оказываясь в безопасном месте.

– И правда талантливый человек, – призналась я, вынырнув из воспоминаний и прислушиваясь к рассказу Амелии. – Наверное, у него было много недоброжелателей?

– Завистники сопровождали его всю жизнь, – согласилась Амелия. Она стояла чуть поодаль от меня, и приходилось запрокидывать голову, чтобы поймать ее взгляд, но ни одна из нас не изменила позу. – Едва ли кто-то из этих коршунов мог его отравить.

– Все может быть... – пробормотала я. – Ты не знаешь, чем он занимался в последнее время?

– У него была какая-то новая разработка, которой он посвящал все свое время. Деталей он не раскрывал.

Я притихла, погрузившись в размышления. Мог ли мистер Томсон изобрести что-то опасное? Или что-то настолько ценное, за что можно и убить, лишь бы получить изобретение в свои руки?

Амелия, словно подслушав мои мысли, заговорила снова:

– Полиция вызывала некроманта. Тело профессора поднимали. Был ли от этого толк, я не знаю.

В мире, наполненном магией, даже смерть не является ос-

нованием увильнуть от допроса. Мило!

– Наверное, все сведения занесли в протокол.

– Конечно, – согласилась Амелия, – но доступа к нему не имеют даже члены семьи. Да и большой вопрос, сумела ли полиция что-то узнать.

– Да, нужно уметь задавать правильные вопросы. Особенно покойникам.

Я снова замолчала. Эх, если бы я увидела полицейский протокол! Но мечтать не вредно. Конечно, если бы я могла поговорить с мистером Томсоном...

– Прорицатели не работают с душами умерших, – серьезно сказала Амелия, встретив мой вопросительный взгляд.

Я вздохнула. Ладно, это была хорошая попытка.

Мне необязательно заикливаться на одной версии. Возможно, причины убийства никак не связаны с профессией мистера Томсона.

– Вероятно, семья покойного могла бы рассказать о нем что-нибудь интересное... – медленно проговорила.

– Он был одинок: ни жены, ни детей. Только родственники со стороны сестры. – Амелия поморщилась, когда до нее дошло, на что я намекаю. – Ты же не собираешься общаться на эту тему с Джеймсом?

Джеймс, ага. Парня мы помним по имени.

– Почему нет? – пожала плечами я. – Надо же где-то искать зацепки.

– Он невыносим! – воскликнула Амелия и всплеснула ру-

ками. – Только время потеряешь!

– Посмотрим, – неопределенно ответила я. Мои мысли снова перескочили на другой предмет. – Как часто мы сможем с тобой видеться?

– Я постараюсь приходить к тебе каждую ночь, – пообещала Амелия.

Ее взгляд стал напряженным, когда поверхность пруда, в сторону которого она смотрела, заволновалась и пошла кругами.

– Ты просыпаешься, Лия.

– Что? – Я с непониманием посмотрела на рябь воды. – О чем ты?

– Времени мало. Запомни: у неиницированного мага дар может проявиться в любой момент. Не пугайся, когда это произойдет.

– Какой дар? – глупо спросила я, запоздало припоминая начало нашего разговора.

Амелия проигнорировала мой вопрос. Ее голос стал доноситься глухо, как сквозь вату, а сама она поблекла, сохранив лишь прозрачные очертания.

– Постарайся скрыть свой талант. У мага может быть только один дар. Если у меня появятся новые способности, люди начнут задавать вопросы.

– Подожди! Что ты имеешь...

– Мисс Бартон!

Я успела лишь мысленно чертыхнуться, когда незнако-

мый женский голос ворвался в мой сон и заставил открыть глаза.

– Мисс Бартон, простите, что разбудила. Я принесла грелку для постели.

На пороге стояла дородная женщина средних лет в белом чепчике и переднике, повязанном поверх простой черной юбки. На ее бледном невзрачном лице, которого уже коснулись морщины, читались смущение и неловкость.

– Все в порядке, – пробормотала я.

Встав из-за стола, я покрутила шеей и поморщилась от боли. Заснуть сидя было явно плохой идеей.

– Позвали бы меня, – всплеснула руками горничная, и память подсунула ее имя: мисс Пруденс. – Я бы расстелила вам постель. Негоже молодой леди спать за столом.

А старой леди это дозволяется – чуть не спросила, но прикусила язык. Кажется, Амелия никогда не пререкалась со слугами. Воспитание, чтоб его!

Она пересекла комнату, и только тогда я обратила внимание на предмет в ее руках, похожий на медную сковородку с крышкой. Узор мелких отверстий, расположенных на крышке, был весьма затейлив. В нем проскальзывали очертания цветка. Длинная деревянная ручка сковородки слегка подрагивала в ладони мисс Пруденс.

Я отошла к окну и уже оттуда настороженно наблюдала за действиями горничной. Та сняла тяжелое покрывало с кровати и принялась перетряхивать подушки. Покончив с этим,

она снова ухватилась за ручку принесенной сковородки и принялась водить ее дном по белой простыне.

Грелка, осенило меня. Мне стоило большого труда не рассмеяться. У них тут магии столько, что девать ее некуда, а они до сих пор пользуются грелками на углях. Вот это, я понимаю, ретрограды! Даешь уважение традициям!

– Благодарю, – чопорно ответила я, когда мисс Пруденс закончила и вопросительно посмотрела на меня.

– Вам помочь раздеться, мисс Бартон? – не без тревоги спросила она. – Выглядите бледной.

– Женское недомогание, – привычно солгала я.

Эх, удобная отговорка! Жаль, что не получится долго ее использовать.

Мисс Пруденс взглянула на меня уже с откровенным сочувствием и захлопотала вокруг меня:

– Мисс Бартон, я сейчас принесу вам чай с мятой и ромашкой. Он немного снимет боль.

– Благодарю, но...

– И лекарь еще не ушел! Я сейчас...

– Мисс Пруденс, – я быстро метнулась к двери, перегородив доброй женщине дорогу. – Не стоит беспокоиться, – с вежливой улыбкой заверила я. – Мне нездоровится, но в целом я чувствую себя хорошо.

Горничная посмотрела на меня с сомнением, поколебалась, но кивнула и присела в реверансе.

– Если что-то потребуется, только позовите, мисс Бартон.

Угу, а как? Свеситься с лестницы и кричать в темноту коридора?

Наверняка же есть другой способ связи, верно? Но память затаилась, как мышь под веником, и отказывалась делиться сухарями, то есть, простите, воспоминаниями.

– Непременно, – откликнулась я. – Благодарю вас, мисс Пруденс.

Она снова покачала головой и неторопливо покинула комнату, не забыв прихватить с собой грелку.

Как только дверь захлопнулась, желудок заурчал. Ужин я пропустила, а часы на столике показывали девятый час. За окном же была такая темень, будто на землю опустилась полночь.

Я с тоской посмотрела в темное окно. В его стекле отразилось мое мрачное лицо. Свечи в люстре давали неплохой свет, и я порадовалась, что мне не придется корпеть над книгами в свете одинокого огарка. Я подняла голову и нахмурилась. Точно помню, что не зажигала их. Автоматика?

Магия, подсказала память. Ах да, люстра вспыхивает каждый вечер в одно и то же время, при условии, что в комнате кто-нибудь есть. Ну что ж, до автоматической люстры здесь прогресс дошел, а до резиновой грелки нет! Вот уж действительно чудны дела твои, Господи!

Вздохнув, я еще раз потянулась и, разминая шею, опустилась за стол. Спать я не собиралась. Для начала мне нужно найти учебный план или как он там называется... И хоть ка-

кие-нибудь наброски лекций. Второй день контрольных работ не оценят ни студенты, ни коллеги-преподаватели. Лишние подозрения мне ни к чему.

Я открыла ящик стола, вытащила из него кипу листов бумаги, исписанных мелким округлым подчерком, и склонилась над ней.

Глава 5

На следующее утро у меня было две пары у первокурсников-целителей. Бессонная ночь не прошла даром: я отыскала и свое расписание занятий, и подробные лекции для студентов (Амелия оказалась на редкость аккуратна в подготовке и поиске материала). Пришлось, конечно, кое-где проявить фантазию, но в целом я чувствовала себя более-менее уверенно, расхаживая между рядами и менторским тоном, подслушанным у Амелии, рассказывая о великих пророках этого мира. Моя длинная темно-синяя юбка, окаймленная по подолу кружевом, шелестела в тишине аудитории. Я ловко уходила от вопросов и тихо радовалась, что программа на курсе целительства включает в себя лишь поверхностное знакомство с моим предметом. Как выкручиваться, когда ко мне попадут студенты, которые планируют стать моими коллегами, я не представляла. Им-то уже зубы не заговоришь.

Высокопарно рассуждая о высоких материях и о роли пророчеств в истории, я параллельно методично размышляла, с какого бока взяться за расследование убийства. Мысль о протоколе допроса все еще не давала покоя, но я понимала, что полицейские документы мне ни в жизнь не увидеть. Легче уж добраться до самого покойника!

До покойника...

Я споткнулась и полетела носом вниз со ступенек между

рядами.

– Мисс Бартон! Мисс Бартон!

Студенты явно заволновались и приподнялись, чтобы рассмотреть лежащую ничком меня. Хорошо, что до телефонов здесь еще не додумались, а то стать бы мне звездой ютуба.

– Все в порядке, – крихтя, заверила я и встала. – У меня... Женское недомогание. Тьфу ты, Лия! Пора менять отмазку.

– Юбка зацепилась за гвоздь, – ровно закончила я.

– А где гвоздь? – неосторожно поинтересовался какой-то рыжий студент в скучной серой жилетке и белой рубашке.

И даже рубашка застегнута на все пуговицы. Скукотень!

Поняв, что мои мысли приняли странное направление, я прожгла любопытного паренька строгим взглядом, и тот понятливо притих. Вот и правильно. Не хватало нам еще всем потоком начать искать выдуманные мною гвозди.

– Итак, пророчица Сара из рода де Лерров...

Я заложила руки за спину и продолжила обход аудитории, вновь заговорив противным менторским тоном Амелии. Ну ничего, зато никто не догадается, что я заучила этот материал всего несколько часов назад.

В голове же засела одна мысль, показавшаяся смелой даже мне. С другой стороны... Чем я рискую? Подумаешь, кладбище... Тем более у меня даже некромант есть на примете.

В столовой мистера Блэка не оказалось, и я разочарованно застыла напротив уединенного столика за колонной. Почему я решила, что вредный некромант непременно ждет меня в столовой? Ага, сидит за тем самым столиком, как Штирлиц в ожидании жены. Хотя Штирлиц в этой истории, видимо, я.

Раздраженно хмыкнув, я повернулась и нос к носу столкнулась с каким-то студентом. Тот шарaxнулся от меня, как черт от ладана. Учítывая, что его загипсованная рука висела на перевязи, такая ловкость меня удивила.

– Простите, – извинилась я и намеревалась обойти студента.

– Это вы меня простите, мисс Бартон.

Лицо парнишки с бегающим взглядом и тонкими губами показалось мне знакомым. Я сощурилась. Кажется, я видела его вчера на потоке Гриффленда.

– Да вас-то за что... – задумчиво протянула я.

Парень вспыхнул. И без того пунцовые уши покраснели еще сильнее.

Я уже с большим интересом посмотрела на его сломанную руку.

«Но узнаю», – вспомнились мне слова Гриффленда.

– Поня-я-ятно, – протянула я. – Попался, да? – уже с ноткой сочувствия спросила я.

Злости я больше не испытывала. Во-первых, отошла, а во-вторых, парень и так получил свое.

Но Грифленду при встрече уши надеру. Тоже мне, нашелся вершитель правосудия!

– Мисс Бартон, я... Мне...

– Выздоровливайте, мистер Нолан, – перебила я его, – и постарайтесь наладить отношения с сокурсниками. Поверьте, так будет лучше.

Я зашагала в сторону выхода из столовой.

Деканат! Возле него вывешено расписание всех преподавателей. И как мне сразу не пришло в голову заглянуть туда?

* * *

Задрав голову, я тупо пялилась на стенд. Аккуратно разлинованный лист ватмана с расписанием всех преподавателей поставил меня в тупик. У мистера Блэка сегодня был выходной.

Как проводят выходные некроманты? Оживляют черепа и разговаривают с ними? Напиваются в клубах и рассказывают неприличные байки о странных делах на кладбищах? Может быть, просто закрываются в комнате и спят?

Признаться, последний вариант мне нравился больше остальных.

Конечно, можно отложить все до завтра...

Мимо меня прошел секретарь с тонкой папкой под мыш-

кой. На меня пахнуло дорогим и сладковатым парфюмом.

– Мисс Бартон, – равнодушно поздоровался он.

Мистер Адамсон! Наконец-то вспомнила.

– Простите, мистер Адамсон! – я ломанулась вслед за секретарем.

Тот при виде моей прыти удивленно приподнял брови.

– Ректор сегодня не принимает.

– Я не к нему, – улыбаясь своей самой обаятельной улыбкой, проговорила я.

Память ничего не говорила на этот счет, но интуитивно я знала, что у напыщенного и лощеного секретаря можно узнать все: мелкие секретки, страшные интриги и даже серьезные тайны. Меня же интересовала мелочь.

– Вы не подскажете, где я могу найти мистера Блэка?

– Понятия не имею, – равнодушно отозвался секретарь и открыл папку с бумагами. – Мисс Бартон, что-то еще?

Ах ты, вредный жук!

Я проглотила ругательство и решила пойти с козырей. Наклонившись над столом, я негромко, с интонацией опытного перекупщика, спросила:

– Шампунь с чешуйками золотого дракона интересует?

Вот это я понимаю – горящий взгляд!

Мистер Адамсон посмотрел на меня со страстью, с какой ни один Ромео не взирал на Джульетту.

– А сколько у вас есть?

В мою ладонь так вцепились мужские пальцы, что я с тру-

дом отодрала их. Мысленно прикинув объем пузырька шампуня, я решила, что Амелия не станет сильно возмущаться, если я немного отолью оттуда. В конце концов, все это для дела.

– Одна четвертая унции, – с притворным сожалением сказала я.

– Одна третья!

Скрипнув зубами, я решила не торговаться. Не дай бог кто из коллег зайдет, а мы тут с секретарем с пеной у рта торгуемся.

– Ваша взяла, – недовольно согласилась я.

Лицо моего собеседника осветила такая счастливая улыбка, что мне даже стало неловко. Похоже, ему, как почтальону Печкину, для счастья не хватало всего одной вещи.

Стоимостью половины имения, злорадно напомнил внутренний голос.

– Что вы хотите знать, мисс Бартон? – с готовностью спросил секретарь. В голосе сквозило рвение.

– Где я могу найти мистера Блэка?

– У него сегодня выходной. В свободные дни он редко выходит из своей комнаты в общежитии.

– Отлично. И?

– Второй этаж, угловая комната. Номер сто тринадцать. Если подниметесь по старой лестнице, меньше вероятность, что вас заметят.

Заметят? Ах да, здесь же неприлично ходить в гости к

мужчинам.

– Я бы на вашем месте подговорил мальчишку, чтобы он сначала проверил, чист ли путь, – доверительно посоветовал секретарь.

Я покосилась на него с уважением. Вот это я понимаю, стратег в обложке Википедии.

– Благодарю, – сказала я. – Шампунь занесу утром.

– Но...

– Вечером стулья, утром – деньги, – отрезала я.

Секретарь сник, но спорить не стал. Его тоненькие черные усики обвисли, а в глазах появилось выражение ребенка, у которого вырвали из рук красиво запакованный подарок.

– Конечно, я понимаю, мисс Бартон.

– И вот еще что...

– Я никому и ничего не скажу, – понятливо закончил за меня он.

– Да, именно так, – немного уязвленно откликнулась я и зашагала к двери.

Уже на пороге я обернулась и не удержалась от любопытства:

– Откуда вы знаете, что мистер Блэк по выходным дома?

– Мы с ним соседи, – скучающе пояснил секретарь. – Моя комната граничит с его. Каждый раз, когда он начинает мучить скрипку за стенкой, я едва сдерживаюсь от желания застрелиться. К сожалению, по выходным его часто одолевает приступ вдохновения, а меня – мигрени.

А ларчик-то просто открывается.

– Сочувствую, – сказала я и вышла в коридор.

* * *

Я не стала искать мальчишку и понадеялась на собственное везение. Крадучись, как кошка, я поднялась по узкой винтовой лестнице на второй этаж мужского крыла и дошла до конца коридора. Нервно оглянувшись по сторонам, я прислушалась к звукам, которые только с натяжкой можно было выдать за мелодичное звучание скрипки. Если бы не знала наверняка, решила бы, что кто-то издевается над кошкой.

Набравшись храбрости, я подняла руку и постучала. Потом еще раз, уже громче. А затем забарабанила со всей дури, забыв о всякой конспирации.

Дверь распахнулась. В проеме показался некромант в темно-синем халате и пижамных штанах в цвет. Халат был тщательно запахнут, оголяя разве что шею. В руках мужчина держал скрипку и смычок.

– Мисс Бартон?

Блэк так удивился, что едва не выпустил из пальцев длинный смычок.

– Мистер Блэк, – я натянула на лицо приветливую улыбку. – Отдыхаете?

– Уже нет.

– Отлично. Не могли бы мы поговорить не на пороге?

– Вы твердо вознамерились лишиться чести?

Я подзависла и с подозрением воззрилась на невозмутимого Блэка. Он уже вернул себе спокойное расположение духа, и теперь в его синих глазах снова сверкал лед.

– А что, все, кто входит в вашу спальню, ее лишаются?

– По мнению общества – непременно, – заверил меня Блэк. – Вам нужны пересуды, мисс Бартон?

Я через его плечо заглянула в комнату, оценила ее суровый мужской интерьер и, поразмыслив, покачала головой.

– Нет, проблемы мне не нужны.

– В таком случае хорошего вам дня, мисс Бартон.

– Не так быстро!

Носок моего сапога влез в проем двери, не давая ее закрыть.

– Мисс Бартон, вы...

Клянусь, в этот момент он меня проклинал. Мысленно.

– Я хочу позвать вас на прогулку, – смущенно призналась я, снова пуская в ход все свое женское очарование (ладно, очарование Амелии).

Я даже захлопала ресничками. Кажется, проняло.

– Прямо сейчас?

– О нет, что вы, – я сделала вид, что смутилась и жестко добавила, выпадая из образа: – Вечером.

Второй раз за последние пять минут мне удалось вывести некроманта на эмоции. Дернувшаяся щека – это же эмоции, верно?

– И где же вы хотите прогуляться... вечером?

– Вам понравится, – пообещала я и не стала темнить, решив, что интригу уже выдержала: – На кладбище, мистер Блэк.

Такого взгляда, полного откровенного изумления, я еще не видела.

– Поправьте, если я ослышался, – медленно сказал он, рассматривая мое лицо с легким подозрением, – вы приглашаете меня на вечернюю прогулку по кладбищу?

Его интонация заставила ступешаться.

– Да, – кивнула я и с надеждой спросила: – Романтично, верно?

– Не думаю. Простите, но на местном кладбище я бывал уже не раз. Всего доброго, мисс Бартон.

Он попытался осторожно отпихнуть меня от двери, но я вцепилась в его руку намертво.

– Мистер Блэк, ну как вы можете отказать девушке в свидании? – в панике я понесла откровенную чушь. – Вот что я после этого должна думать о мужчинах в целом?

– В целом не знаю, – вежливо отозвался тот, стараясь как можно деликатнее стряхнуть мои пальцы, вцепившиеся в рукав его халата, – но мне вы должны быть благодарны. Я только что спас вас от глупого поступка. Что вы вообще забыли на кладбище?

– Расскажу по дороге, – клятвенно пообещала я.

Блэк все-таки освободился из моей хватки, совсем не по-

джентельменски отпихнул меня от двери и с чувством захлопнул ее.

Я несколько секунд таращилась на закрытую дверь – преграду на пути моего возвращения домой, а затем со злостью и обидой бросила:

– Тогда вы никогда не узнаете, что же мне понадобилось на кладбище, мистер Блэк. Даже на смертном одре я вам в этом не признаюсь. Умрете от любопытства!

Я уже развернулась и сделала два шага в сторону лестницы, когда дверь с тихим скрипом медленно отворилась. В коридоре показался мрачный Блэк.

– Даже на смертном одре?

– Женщины злопамятны, мистер Блэк, – злорадно заметила я и задрала нос.

Некромант помолчал, а затем спокойно сказал:

– В полночь у ограды кладбища?

Я едва сдержала победный вопль. Подозреваю, что лицо у меня озарилось счастьем или хотя бы улыбкой сытого кота.

– Если вы настаиваете... – пококотничала я и серьезно добавила: – Договорились.

– Не опаздывайте, мисс Бартон.

– Не имею такой привычки, – заверила я и принялась спускаться по лестнице.

Ура! Первый пункт плана выполнен. Ну кто бы мог подумать, что некроманты любопытны, как кошки?

К вылазке я готовилась тщательнее, чем к первому свиданию. Нет, локоны я не крутила и губы в спешке не красила, а вот весь многочисленный гардероб вывалила на кровать и придирчиво осмотрела его. Платья я сразу отбросила в сторону. Все они были узкие и обтягивали фигуру, как перчатка. Мне сейчас эта красота без надобности, только движения будет сковывать. Задумчиво куснув губу, я с головой нырнула в шкаф. Даже охотничий костюм, на который я возлагала большие надежды, состоял из жакета и юбки. Я уже отчаялась, когда на самом дне обнаружила аккуратно сложенные мужские брюки и пиджак без воротника, все благородного графитового оттенка. Память, помедлив, подсказала, что этот костюм шился специально для Амелии несколько лет назад. В те годы она была студенткой и могла себе позволить немного пренебречь приличиями, явившись на бал-маскарад в провокационном костюме. Конечно, лицо она спрятала под маской. Скандал вышел знатным, виданное ли дело – девушка и в брюках! – но ее личность так никто и не сумел раскрыть. Это осталось маленькой тайной Амелии, которой она гордилась.

Надо же, и в Амелии есть страсть к эпатажу. А с первого взгляда и не скажешь. Возможно, в чем-то мы все-таки похожи.

Я узнала у горничной, что внизу есть чулан, где слуги хранят инвентарь и, сбегав туда, ненадолго приватизировала лопату. К счастью, во время забега я никого не встретила, и мне не пришлось выдумывать на ходу объяснения, зачем же молодой леди лопата. Зачем-зачем... В хозяйстве пригодится! Может, я ею ухажеров буду отгонять.

Я бы захватила две лопаты, но и одна оказалась такой тяжелой, что я решила не жадничать.

Полночь я ждала с тем же нетерпением, с каким в детстве свой день рождения. После восьми вечера наступила такая темень, что я понятия не имела, зачем Блэк назначил нашу прогулку на полночь. Разве что приключенческих книг перечитал. Казалось, что после десяти вечера общежитие вымерло, исчезли все звуки. В моей комнате сонную тишину нарушало только мерное тиканье секундой стрелки на настенных часах с маятником. Глаза слипались, и я не уснула только чудом.

За пятнадцать минут до полуночи я, позевывая, натянула на себя мужскую одежду, набросила поверх пальто, забрала волосы в простой высокий хвост и, прихватив лопату, выскользнула в коридор.

Кладбище располагалось на другой стороне парка, поближе к основному учебному корпусу. Быть похороненным на этом небольшом клочке земли с красивыми статуями и склепами, рядом с могилами первых хозяев замка, считалось привилегией, которой достаивались немногие. Не все пре-

подаватели могли на нее рассчитывать.

Я остановилась у ажурной калитки, ведущей на узкую дорожку между склепов из белого камня с цветами у порогов, и принялась нетерпеливо всматриваться в темноту.

– Мисс Бартон? – раздалось над ухом.

Я подскочила от неожиданности и обернулась. Лопата упала на голую землю с пожухлой травой, совсем рядом с мужскими ногами, обутыми в высокие кожаные сапоги.

– Мистер Блэк! – выдохнула я с чувством, как самое грязное ругательство. – Вы не могли бы не подкрадываться со спины?

Он внимательно прошелся по мне взглядом, остановившись на брюках, но никак не прокомментировал мой наряд. Сам он был одет во все черное: пальто, рубашка, удлиненный пиджак и даже брюки были одного и того же скучного оттенка.

– Для любительницы ночных прогулок по кладбищу у вас слишком впечатлительная нервная система, – заметил Блэк и кивнул на лопату: – Так понимаю, этот презент мне?

– Вместо цветов, – мрачно согласилась я.

– Значит, все-таки не свидание, – пробормотал Блэк. Его синие глаза, яркие даже в темноте, насмешливо блеснули. – Жаль, я уже начал питать определенные иллюзии.

– Да бросьте, – отмахнулась я, на минуту выходя из образа благовоспитанной леди. Впрочем, разве леди отправится ночью на кладбище? – Вы бы никогда не согласились на сви-

дание со мной. Так что давайте опустим ту часть разговора, где вы безутешны, а я убеждаю вас жить дальше.

– Поражаюсь вашей деловой хватке, мисс Бартон, – проговорил Блэк, наклоняясь и поднимая лопату. В его руках она смотрелась меньше и легче, чем в моих.

– Это комплимент? – уточнила я.

Блэк толкнул калитку и деликатно пропустил меня вперед. Правильно, дорогу на кладбище женщинам лучше уступить. Наверное, это какое-то неписаное правило из кодекса джентльменов.

– Вы решили опустить ту часть, где я безутешен, поэтому можете считать мои слова комплиментом, – великодушно разрешил он.

Я закатила глаза.

Мы прошли уже бóльшую часть кладбища. Полная луна освещала путь, и мощеная узкая дорожка была хороша видна. Под ногами шелестела опавшая листва. По обе стороны от нас тянулись склепы. Некоторые из них были такие древние, что поросли мхом и как будто просели. Несколько одиноких могил с белеющими в темноте статуями бросались в глаза своей сдержанной красотой и величием. Где-то вдалеке каркнул ворон, и тут же стая мелких птиц пронеслась рядом с лицом. Я испуганно вскрикнула, отшатнулась и упала бы, не поддержи меня Блэк за руку.

– Мисс Бартон, все в порядке?

Дыхание некроманта обожгло ухо, а его ладонь оказалась

сухой и теплой. Надежной. Мне стоило большого труда отпустить ее.

– Да, – неуверенно ответила я. – Меня напугал ворон.

– Это Барти, – спокойно сказал Блэк и вскинул руку.

Раздалось хлопанье крыльев, и спустя мгновение на его согнутый локоть приземлился ворон с иссиня-черным оперением. Большой клюв распахнулся, и из него вырвалось угрожающее карканье.

– Вы ему нравитесь, – с легкой иронией заметил Блэк.

– Не уверена, что могу сказать то же о нем, – с сомнением ответила я и прикусила язык.

В этом мире у каждого мага был свой питомец, чаще всего птица. У некромантов – вороны, у целителей – лебеди, у боевиков – грифы и орлы. Даже у Амелии была до недавнего времени сова, и она тяжело переживала ее утрату. Сказать, что питомец мага тебе не нравится, все равно что признаться в своей неприязни.

– Прошу прощения, – виновато сказала я. – Я имела в виду совсем другое.

Блэк равнодушно пожал плечами и взмахнул рукой, отпуская птицу. Ворон взмыл в темное небо с россыпью жемчужных звезд.

– Меня сложно задеть, мисс Бартон. – Он посмотрел на ворона, кружащего над нашими головами. – Так зачем вы пригласили меня на кладбище?

– У меня к вам предложение, от которого вы не сможете

отказаться, – собравшись с духом, выпалила я.

– Поднять почившего мистера Томсона?

– Как вы догадались?

– Это было несложно.

Я разочарованно вздохнула. Мне так хотелось увидеть вау-эффект! Но лицо некроманта по-прежнему оставалось до обидного равнодушным.

– Могли бы сделать вид, что удивлены, – уязвленно заметила я.

– В следующий раз непременно, – пообещал он.

Мы дошли до конца кладбища и остановились у могилы со свежими цветами. Над ней возвышался белоснежный постамент с парящей в небе птицей. Белый голубь – символ магов-теоретиков.

Блэк воткнул острие лопаты в землю и посмотрел на меня.

– Вы же знаете, что поднятие тела усопшего без согласия его родственников запрещено законом?

Я постаралась не перемениться в лице. Черт, Лия, ну ты точно угодишь здесь за решетку!

– А вы собираетесь об этом кому-нибудь рассказать? – храбрясь, спросила я, стянула на груди пальто и уткнулась в его ворот носом.

Казалось, всего за мгновение ощутимо похолодало.

– Я не болтлив, мисс Бартон. Как вижу, вы тоже. Вы так и не рассказали, почему горите таким страстным желанием побеседовать с мистером Томсоном.

Интонация Блэка не изменилась ни на йоту, взгляд его оставался все таким же спокойным, но я интуитивно поняла: промолчу – и тот развернется и уйдет, оставив меня на кладбище в обнимку с лопатой. Картинка получилась такой яркой, что я невольно вздрогнула.

Ладно, придется открыть часть правды.

– После смерти мистера Томсона, – тихо начала я, отведя взгляд, – меня посетило видение.

– Что вы увидели? – Голос Блэка звучал деловито и лишь слегка напряженно.

– Смерть... одного из своих близких, – неохотно сказала я.

Ну что ж, как говорят, истина где-то рядом. Кто может быть мне ближе, чем я сама?

– Вы говорили об этом с ректором?

Я покачала головой и припомнила слова Амелии.

– Будущее – весьма зыбкая вещь. Чаши весов колеблются. Любое неосторожное движение может привести к беде.

– Значит, – задумчиво протянул Блэк, – боитесь склонить чаши не в ту сторону?

– Верно.

– Но сами все равно пытаетесь поспорить с судьбой?

– Вы поразительно догадливы, мистер Блэк, – сквозь зубы процедила я. – И как вас терпят девушки?

– Предполагаю, что с трудом.

– Сложно с вами не согласиться.

Мы помолчали, рассматривая могилу перед собой. Над нашими головами по-прежнему носился ворон.

– Ну так что? – тихо спросила я.

Блэк как будто бы очнулся.

– Правило первое: не лезть под руку.

– Да я бы никогда...

– Правило второе, – Блэк поднял указательный палец вверх, призывая меня к молчанию, – слушаться меня во всем. Если я говорю «бегите», вы срываетесь с места и только дома начинаете задаваться вопросом «Зачем?». Понятно?

– Более чем, – заверила я.

– Отойдите за спину, – сказал Блэк, – и цветы, будьте добры, прихватите. Запомните, я не люблю подарки.

Я молча ухватилась за черенок лопаты, вытащила ее из земли и послушно спряталась за спиной некроманта.

Я не видела лица, но его плечи напряглись. Луна спряталась за облаками, и темнота стала более густой и пугающей. Тишина опустилась на землю. Она давила на уши. Даже карканье ворона стихло.

Блэк провел ладонью над могилой, гранитная плита с глухим звуком отъехала в сторону, и земля послушно разверзлась перед ним.

Если бы не гнетущая мрачность происходящего, я бы обиженно засопела, прижав к себе лопату. Стоило ее столько тащить, если в итоге она не пригодилась?

Раздались скрежещущие звуки, а затем треск распахиивае-

мой двери. Я похолодела, когда поняла, что распахнулась не дверь, а гроб. Мертвец откинул крышку и теперь медленно выбирался наружу.

Мамочка! Я столько фильмов ужасов пересмотрела, но коленки заходили ходуном, и захотелось броситься бежать без оглядки. Когда я представляла свой разговор с мистером Томсоном, я не думала, что он будет смотреть на меня такими пустыми мертвыми глазами, а его бледная кожа будет так сильно напоминать пергамент, который вот-вот рассыплется от чужого прикосновения. Отравление оставило свой след на лице почтенного мэтра, и его синий, распухший язык оказался вывален наружу, как у собаки. Я судорожно сглотнула и постаралась перевести взгляд ниже, на костюм мужчины. Одежда была в безукоризненном порядке. Синий камзол с широкими манжетами и высоким воротом выглядел так, будто только что покинул гардеробную лорда.

– Мисс Бартон, – обернулся ко мне Блэк, – задавайте ваши вопросы.

Я заметила, что обычно бесстрастное лицо некроманта напряжено, а справа, у виска, коротко и часто пульсирует синяя жилка. Зрачки Блэка почти полностью затопили радужку, и сейчас казалось, что глаза у него черные и бездонные, как сама ночь. Или смерть.

Я передернула плечами и неуверенно сделала шаг вперед.

– Мистер Томсон, вы знаете, кто вас убил?

– Нет.

– У вас есть подозрения, кто это сделал?

– Да.

– Расскажите об этом.

Мертвец молчал, застыв как восковая кукла.

Блэк глухо проговорил:

– Покойники не умеют рассуждать, мисс Бартон. Что у вас было по некромантии в академии?

У Амелии, возможно, отлично, а вот у меня точно «два».

Я кашлянула.

– Не самый высокий балл.

С запозданием я припомнила, что поднятые мертвецы могут отвечать только «да» и «нет». Память принадлежит телу, и именно к ней обращаются некроманты, но заставить тело жить, чувствовать и делиться пережитым даже они не в силах. Вот почему так важно уметь задавать правильные вопросы.

Я растерялась. Повисла пауза.

Неожиданно Блэк взял разговор в свои руки.

– Последняя ваша разработка была посвящена некромантии?

– Да.

– Вы добились в этой сфере успеха?

– Да.

– Довели разработку до конца?

– Нет.

Мне показалось, на лице Блэка промелькнуло облегчение.

Теперь я перестала смотреть на мистера Томсона и целиком сосредоточилась на некроманте. Кажется, тот решил помогать мне не по доброте душевной. У него есть свои интересы в этом деле?

– Ваша идея могла пошатнуть устоявшийся порядок?

– Да.

– Она была опасна?

– Да.

Блэк помедлил, прежде чем задать новый вопрос.

– Кто-нибудь из вашего окружения знал о деталях вашей идеи?

– Да.

– Вы вели записи?

– Да.

– Они в вашем доме?

Мертвец замолчал. Блэк выругался сквозь зубы.

– Почему он не отвечает? – заволновалась я.

– Потому что он не знает, – с досадой ответил Блэк. – Возможно, он оставил указание уничтожить все бумаги после своей смерти или просто подозревает, что кто-то мог их выкрасть. Есть еще вариант, что память его подводит.

– Почему?

– Тело, мисс Бартон, – пояснил Блэк. – Оно несвежее.

Я распахнула рот и молча закрыла его, когда до меня дошел смысл слов. «Память принадлежит телу», как говорили здесь. Вот только интересующее нас тело уже лежало в зем-

ле не первый день и начало потихоньку разлагаться. Меня затошнило, и я ненадолго отвернулась.

Блэк продолжил допрос.

– У вас были помощники?

– Да.

– Корона знала о ваших делах?

Молчание.

– Вы докладывали королю о своей идее?

– Да.

– Лично?

– Нет.

Луна выглянула из-за туч, и я увидела, как на лбу Блэка выступили капельки пота. Видимо, общение с покойником отнимало у него много сил. Мне стало совестно.

Стоя рядом с ним, я чувствовала себя зрителем на неизвестном спектакле.

Я взглянула на Блэка с чувством благодарности. Если бы не он, я бы села в лужу.

Интересно, если он с таким жаром спрашивает покойного мистера Томсона, значит ли это, что у нас общая цель? Что, если мы объединим усилия?

– Вы работали над...

В тишине кладбища, нарушаемой лишь нашими негромкими голосами и шелестом листвы под ногами, вдруг раздался длинный протяжный вой. От него кровь застыла в жилах. Даже я, лишенная магии, без труда считала в нем угрозу.

«Поймать».

«Растерзать».

«Убить».

Рядом со мной будто клацнули зубами, и я испуганно подскочила.

– Это ч-что? – прозаикалась я.

Блэк обернулся. Его и без того бледное лицо утратило последние краски.

– Ищейки, – бросил он и снова выругался, уже не стесняясь моего присутствия: – Хмарь!

Хм... Здесь так ругаются? Надо запомнить.

Черт, Лия, снова думаешь не о том!

– А ищейки... это плохо, верно? – осторожно спросила я, заглядывая Блэку в глаза.

– Видимо, на теле покойника стояло сигнализирующее закливание, и я его не заметил.

– Значит, сейчас сюда набежит полиция, – поняла я.

Этому миру не терпится увидеть меня в темнице!

– Нет, сначала нас поймают ищейки, а затем уже то, что от нас останется, торжественно передадут полиции.

«Закон не церемонится с некромантами, нарушившими правила», – услужливо напомнила память.

Мамочки! Вот только сожрут не одного Блэка, но и меня вместе с ним.

– Бежим! – крикнула я и схватила некроманта за руку.

Тот не шелохнулся, и я потянула его на себя.

– Ну чего застыл? Бежим же!

С тем же успехом можно было бы попытаться сдвинуть с места стену. Блэк медленно поднял голову и поймал мой взгляд. Утробный леденящий душу вой становился все ближе.

– Мы не успеем, мисс Бартон. Ищейки готовы преследовать жертву до изнеможения.

Я едва удержалась на ногах. Захотелось опуститься на траву и схватиться за голову.

– Что, уже можно прощаться? Я даже завещание не составила, – мрачно пошутила я, храбрясь из последних сил.

Глаза Блэка сверкнули, и тот криво усмехнулся.

– Это повод отложить визит в покои смерти.

Не глядя на застывшего мистера Томсона, он взмахнул рукой и негромко проговорил несколько слов. Мертвец послушно забрался в гроб, гроыхнула крышка. Земля снова собралась в могилу, прикрытую гранитом.

– Мы же можем сказать, что нас подставили? – с надеждой спросила я, с трудом подавив желания бежать, сверкая пятками.

Вой раздался совсем рядом, и спина покрылась мурашками. Ноги задрожали от страха, а в горле пересохло.

– Ищейки не ведут переговоров, мисс Бартон.

Снова прозвучал звериный вой, и меня прошиб холодный пот.

– Я не могу стоять тут и ждать! Мы должны хотя бы по-

пробовать убежать!

– Мы, – он выделил это слово, – не убежим. А вот вы, мисс Бартон, попробуйте.

– Что? – глупо спросила я и моргнула.

– Бегите, мисс Бартон!

– Но...

– Второе правило!

– Но...

– Сейчас!!!

Блэк заорал так громко, что я рефлекторно шарахнулась в сторону, продолжая смотреть на его искаженное криком лицо, а затем развернулась и, спотыкаясь на ходу, побежала прочь.

Перед глазами стоял Блэк – холодный, ироничный, уверенный в себе, и эта картинка расплывалась, наслаивалась на ту, где он кричит на меня. У его виска бьется жилка, взгляд мрачный, гневный и решительный, и только на самом дне плещется страх. Ему тоже страшно.

Он остался, чтобы дать мне шанс уйти.

Я споткнулась о какую-то корягу и упала в лужу. В горле клокотали рыдания, душа металась, рвалась куда-то. Ужас, паника, обида, благодарность, злость... Сотни оттенков сильных чувств затопили меня, и я, захлебываясь, пыталась отдышаться. Перед глазами поплыли разноцветные круги, а в ушах зазвенела тишина. Я вслепую оперлась ладонями о землю, и, покачиваясь, медленно встала. Руку саднило,

будто я содрала ее, но мне было не до того. Замерев и не в силах пошевелиться, я смотрела в сторону Блэка. Вокруг него сгущалось черное пятно. В нем проскальзывали белые острые клыки. Я не слышала их клецанья, но явно представила, как они вонзятся в загнанную добычу.

Блэк поднял руки, и от черного пятна, сомкнувшегося вокруг него, как кольца змеи, отлетел изрядный кусок и, воя от боли, покатился по траве. В полете ком расцепился, и я увидела, что пятно – это стая черных собак или, возможно, волков. Вот только ни первые, ни вторые не бывают таких огромных размеров и не обладают такой бездонной пастью.

Хищники, помахивая хвостами и обнажая клыки, поднялись с травы и, наклонив морды, двинулись в сторону Блэка.

Кольцо вот-вот снова сомкнется, поняла я. И вместе с этой мыслью пришло понимание, что нападают эти звери, выведенные магией, только так, сомкнув ряды вокруг жертвы.

Руку обожгло болью, и я, по-прежнему стоящая на месте, потрясла ею. На землю упало несколько искр. Ошарашенно я перевела взгляд на свою кисть и едва не заорала. На моих пальцах играл языками пламени сгусток огня.

Лия, ну ты попала!

«Магия может проснуться в любой момент», – вспомнила я слова Амелии.

– Ну что ж, – тихо сказала я, – хотя бы вовремя.

Размахнувшись, я запустила огненным шаром в сторону

окуживших Блэка ищеек.

По кладбищу пронесся жалобный вой, и запахло паленой шерстью. Темное кольцо вокруг некроманта снова зияло дырой. Собаки или волки валялись на траве, как поверженные соперники.

С трудом не издав победный клич, я мелкими перебежками добралась до ближайшего склепа, откуда вести прицельный огонь было безопаснее, и запустила еще один огненный заряд.

Я старалась не думать о том, что делаю и главное – *как*. Думать, Лия, будешь позже. А сейчас надо спасти напарника. Иначе таскать тебе потом ему в тюрьму напильник, спрятанный в булке хлеба. Если, конечно, эти твари его сейчас не растерзают.

Я выдохнула и выбросила еще несколько огненных шаров. Не знаю, что в свою очередь делал Блэк, но с его стороны зверья тоже поубавилось. Я так увлеклась, что едва не пропустила момент, когда некромант сделал пас рукой и рванул с места. Оставшиеся псы дернулись в его сторону, но закачались и упали, как тряпичные куклы. Я моргнула, пытаюсь понять, что он сделал с ищейками, а затем махнула рукой и побежала следом, срезая угол.

К калитке мы примчались одновременно.

– Мисс Бартон? – задыхаясь, сказал Блэк. – Почему вы еще не дома?

– Упала в лужу, – честно призналась я и смахнула со щеки

застывшую грязь.

– Нашли время прихорашиваться! – Он схватил меня руку и потащил за собой. – Мы тут не одни, скорее уходим.

– А кто еще? – осторожно спросила я.

– Маг-боевик. Он играет на нашей стороне, и хотел бы я знать почему.

Я уже распахнула рот, чтобы просветить Блэка, кто на самом деле подпалил ищеек, но после секундной паузы промолчала. Амелия говорила, что у мага может быть только один дар, так что свой мне придется скрывать.

Боже, Лия, в тебе и правда есть магия! Кто бы мог подумать!

Эти мысли вихрем пронеслись в голове, пока мы бежали к общежитию. Блэк задал гонке такой темп, будто за нами черти гнались. В каком-то смысле это и правда было так...

Блэк резко затормозил у порога и потянул на себя тяжелую дверь общежития, пропуская меня вперед.

– Хмарева сигналка, – тяжело дыша, выдохнул он.

Я подавила желание упереться ладонями в колени и схватиться за колющий бок. Подозреваю, леди так себя не ведут.

– Как получилось, что вы ее не заметили? – тоже сквозь частые вдохи и выдохи спросила я.

Мне и в голову не пришло, что мои слова прозвучат как обвинение. Впрочем, Блэк не обиделся, лишь досадливо поморщился.

– Ювелирная работа, – недовольно ответил он, понижая

голос. Мы зашли в пустой темный холл и остановились перед развилкой коридоров, ведущей в разные половины дома. – Сигнализирующее заклинание установил кто-то из родственников мистера Томсона под руководством опытного некроманта, возможно даже, кого-то из гильдии. Иначе я бы заметил ее до того, как она привела к нам ищеек.

«Заклинания родственников сложнее обнаружить на теле жертвы. Схожая по структуре магия растворяется, как снежинка на ладони, и сливается с кожей убитого», – с гордостью подсунула мне память выдержку из учебника по некромантии.

Видимо, у Амелии действительно был высокий балл по этому предмету.

– Не повезло, – протянула я и быстро спросила: – Откуда вы знали, о чем нужно спрашивать мертвеца?

С языка рвался другой вопрос, но я понимала, что все равно не услышу правдивый ответ. Что за интерес Блэка к этому делу, мне придется выяснить самостоятельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.